

613636

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ

ВЪ

ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

СЕЛЬСКІЕ РЕМЕСЛЕННИКИ.

Проф. О. Леонтовича.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА
Краковское Предмѣстье № 3.

1898

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ

ВЪ

ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

СЕЛЬСКІЕ РЕМЕСЛЕННИКИ.

Проф. О. Леонтовича.

593828

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА
Краковское Предмѣстье № 3.

1898

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ Проф. Г. Е. Зенеръ.

СЕЛЬСКІЕ РЕМЕСЛЕННИКИ

ВЪ

ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Къ исконнымъ промысламъ, практиковавшимся въ древне-русскихъ земляхъ, относится „ремесничество“, „мастерство“, „рукодѣлье“, „ручное ремесство“, „промыслъ“ ремесленниковъ по переработкѣ ручнымъ трудомъ сырыхъ произведеній, доставляемыхъ природой страны въ видѣ продуктовъ лѣснаго хозяйства, рудниковаго промысла, скотоводства, лововъ разнаго рода и пр. При отсутствіи фабричнаго и заводскаго производства, древне-русскій промышленникъ зналъ лишь одно домашнее, ручное мастерство, практиковавшееся искони по типу артельного промысла современныхъ сельскихъ кустарей-промышленниковъ. При однообразіи, простотѣ и несложности жизненныхъ потребностей въ народѣ, производство поддерживалось навыкомъ, обычаемъ; рольникъ въ тоже время занимался домашнимъ ремесломъ,—ремесленникъ былъ тотъ-же хлѣбопашецъ. Мастерство упоминается въ источникахъ очень рано. Съ X в. (со временъ Владиміра Св.) русскія лѣтописи говорятъ о „каменосѣчцахъ“, „здателяхъ палатъ“ и вообще „мастерахъ“ иноземныхъ и русскихъ¹⁾. Русская Правда знаетъ „ремесственни-

---

¹⁾ Пол. Собр. лѣт. I, стр. 22, 51, 52, 150, 157, 173; II, 44, 88, 98, 102, 117, 153, 186, 196; III, 111, 211; IV, 152; I Новг. лѣт. 1, 53, 59, 81, 111, 112. Никон. лѣт. I, 103; II, 227 и пр.

ковъ“ (ремесльмяники), „мостниковъ“ и „городниковъ“¹⁾. Въ Псковской судной грамотѣ находимъ особыя „строки“ о наймѣ „мастеровъ-плотниковъ“ на „дѣло“ (или „оурокъ“) за условленную плату, также о мастерахъ и „ученикахъ“, платившихъ имъ „учебное“²⁾. Въ лѣтописяхъ, ярлыкахъ, духовныхъ и докончальныхъ грамотахъ князей и въ другихъ актахъ упоминаются ремесленныя артели—„дружины“, съ „старѣйшинами“, „начальниками“, „мастерами“, „другами“ и учениками“. Какъ видно изъ актовъ, организація древне-русскихъ ремесленныхъ дружинъ основывалась на такихъ же исконныхъ началахъ сябрипной кооперации, какъ и рольничьи посябрины—„дворы“, рыболовныя „ватаги“ или старыя купеческія „сотни“, безъ всякихъ слѣдовъ монопольнаго строя ремесленныхъ цеховъ средневѣковаго Запада. Изстари были извѣстны на Руси отдѣльные классы мастеровъ: плотники (древодѣлы, деревянные здатели), санники, колесники, судники, каменщики (каменосѣчцы, каменные здатели), гончари, котельники, кузнецы (ковали), лучники, сѣдельники, кожевники, тульники, мастера портные, швецы и иные ремесленники по всякому „рукодѣлю“ и „ручному ремесльству“. Ремесла, какъ и иные промыслы, ведутся на одинаковомъ основаніи городскимъ и сельскимъ населеніемъ, въ качествѣ мастерства осѣдлаго и отхожаго. Изстари извѣстно, наконецъ, казенное мастерство. „Ремесльвенники“ Русской Правды, по всему видно, имѣли значеніе позднѣйшихъ казенныхъ мастеровъ, дѣлюевъ и дѣловыхъ людей (изъ своихъ и иноземныхъ мастеровъ), состоявшихъ на княжей службѣ по найму или отправлявшихъ при княжихъ дворахъ „страду“, въ значеніи обязательнаго тягла („дѣлюи“ изъ несвободныхъ людей)³⁾.

1) Акад. списокъ, 43; Карамз. см. 12, 108, 109.

2) Пск. суд. грам., ст. 39, 41, 102. Объ „учебѣ“ и „учебномъ промыслѣ“ мастеровъ см. Ак. Юр. 205; Ак. Ист. I, 242, 244. Карамзина Исторія, IV, примѣч. 372.

3) Пол. Собр. лѣт.—см. выше. Собр. госуд. грам. и догов. I, № 23—25, 27, 35, 40, 44, 45, 63, 121, 130, 144, 229; II, 2, 7; ААЭ. I, № 32; IV, 169. АИ. I. 242, 244; АЮ. 205. О древне-русскихъ ремесленникахъ и ихъ промыслахъ см. Карамзина Ист. IV, прим. 372; V, прим.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ аналогическихъ же формахъ искони практиковалось мастерство и въ западно-русскихъ земляхъ, вошедшихъ въ составъ литовско-русскаго государства. Въ лѣтописяхъ находимъ указанія на мастерство въ западно-русскихъ городахъ и селахъ до-литовской эпохи¹⁾. Въ литовскомъ государствѣ мастерство, унаслѣдованное по традиціи отъ стараго времени, находило для себя поддержку въ колонизаціонной политикѣ литовскихъ господарей, призывавшихъ съ Запада (главнымъ образомъ, изъ Германіи) колонистовъ-промышленниковъ и ремесленниковъ, съ предоставленіемъ имъ права жить и судиться по ихъ національному праву и разныхъ другихъ привилегій тягловыхъ и промысловыхъ²⁾. Колонисты селились не въ однихъ городахъ и мѣстечкахъ, но и въ сельскихъ маестностяхъ—дворахъ господарскихъ, княжескихъ и панскихъ,—могли входить здѣсь въ общій составъ дворныхъ и сельскихъ ремесленниковъ, отправлявшихъ при панскихъ дворахъ и фольваркахъ промысловыя службы и вообще жившихъ по селамъ съ своимъ мастерствомъ на общемъ положеніи сельчанъ-ремесленниковъ. Въ массѣ сохра-

210. В. Лешкова „Рус. народъ и государство“, 1858. Н. Степанова „Сравнит.-историч. очеркъ организаціи ремеслен. промышленности въ Россіи и зап.-европ. государствахъ“, 1864. Аристова „Промышленность на Руси“, 1866. Проф. В. И. Сергѣевича „Юрид. древности“, I, 278, 296.

¹⁾ Для примѣра приведу изъ Ипатьевской лѣтописи сообщеніе объ основаніи Холма въ 1257 г. По словамъ лѣтописца, Даниилъ Галицкій, задумавшій основать г. Холмъ, „нача призывати прихожаѣ нѣмцѣ и русь, иноязычники и ляхи; идяху день и во день, и уноты и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ татарь, сѣдельници, и лучници, и тулници, и кузнецѣ желѣзу и мѣди и серебру, и няполниша дворы, окрестъ града *поле и села*“ (Пол. Собр. лѣт. II, 196).

²⁾ Первые начала такой политики намѣчаются уже при Гедиминѣ, какъ это видно изъ его грамотъ 1323 г. о призывѣ изъ разныхъ мѣстъ Германіи для поселенія въ Литвѣ иностранныхъ колонистовъ; купцовъ и разнаго рода ремесленниковъ, ковалей, колодѣвѣ (колесниковъ), шевцовъ и др. См. Raczyński, Codex, № 23. Skarbiec № 298, 299. Baliński, Starożytna Polska, I, 64. Карамзина Исторія, IV, примѣч. 279. Антоновича Монографіи, I, 157, 163. Владимірскаго-Буданова Нѣмец. право въ Польшѣ и Литвѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1868, т. 139).

нившихся до наших дней литовско-русских инвентарей и других актов старого времени находим многочисленныя указания на сельское мастерство, практиковавшееся до позднѣйшаго времени вездѣ въ старой Литвѣ-Руси, во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ маестностяхъ—дворахъ, какъ литовскихъ господарей, такъ и другихъ землевладѣльцевъ. Настоящей очеркъ и имѣетъ своей задачей намѣтить, въ главныхъ чертахъ, организацію сельскаго мастерства и промышлявшихъ имъ ремесленниковъ въ господарскихъ и панскихъ имѣнiяхъ, на сколько этотъ вопросъ разъясняется документальными данными, сохранившимися въ старыхъ инвентаряхъ, актахъ данинъ и другихъ памятникахъ литовско-русскаго права XV и слѣдующихъ вѣковъ.

Литовско-русскiе акты знаютъ „ремесло“ (ремество, *rzemieślę, artificium*) и „ремесниковъ“ (ремесные люди, мастера, *rzemieśnicy, rzemieślnicy, mistrzowie, artifex*)¹⁾. Въ Литовскомъ Статутѣ 1566 и 1588 г. ремесло „местьское“ отличается отъ „холопъскаго“, т. е. дворнаго или сельскаго, крестьянскаго, и трактуется вообще въ смыслѣ промысла людей „простыхъ“, не шляхты. Разъ шляхтичъ, „занежавши именья и обыстья своего шляхетскаго, або про худобу свою ищущы себе поживенья“, занимается торгомъ или ремесломъ,—„таковый вжо вольностей шляхетскихъ веселитесе не маеть“. Впрочемъ, если затѣмъ шляхтичъ или его дѣти оставляютъ ремесло и „наслѣдуютъ поступковъ рицерскихъ предковъ своихъ“, то они должны быть „за правую шляхту разумени“²⁾. По статуту 1529 г. „ремесные люди“ (хотя бы были изъ тяглыхъ или невольныхъ людей) относятся къ привилегированному классу простолюдиновъ,—за убійство ремесленника,

¹⁾ Археогр. Сборн. III, № 22 (ремество). Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 483 (*rzemieśnicy*); ч. VII, т. II, 247 (*rzemieślę*). АЗР. II, № 70 (ремесные люди). *Zbiór praw Litew.* стр. 353 (*artificium, artifex*). Любавскiй, Прилож. № 11 (ремесники). Лит. Стат. 1529, XI, 2 (ремесники, ремеслники, ремесные люди); Ст. 1566, III, 16 и 20; Ст. 1588, III, 20 и 25 (ремесло, ремество). *Vol. leg.* II, 798, 1027 (*rzemieślnicy, mistrzowie*). ПСЛ. II, 196 (мастеры).

²⁾ Лит. Стат. 1566, III, 16, 20; Ст. 1588, III, 20, 25.

какъ и путнаго человѣка, тивуна и другаго сельскаго урядника, назначается высшій окладъ головщинъ, платившихся за простолюдиновъ ¹⁾. До позднѣйшаго времени ремесленники, безъ различія между городскими и сельскими, стояли по головщинамъ и „навезкамъ“ (платежамъ за обиды) выше тяглыхъ сельчанъ и мѣщанъ „меньшихъ“ мѣстечекъ, не причислявшихся къ привилегированнымъ магдебургіямъ ²⁾.

1) Лит. Стат. 1529, XI, 1—3. За убійство путныхъ людей, ремесленниковъ, тивуновъ и другихъ урядниковъ платится головщина въ 12 р., за бортниковъ 8 р., тяглыхъ мужиковъ 10 копъ грошей и за невольныхъ паробковъ 5 копъ. Аналогическое же положеніе занимаютъ ремесленники по Рус. Правдѣ (Карамз. спис., 12).

2) Въ Литов. Статутѣ 1566 и 1588 г. (XII, 1—6) головщина людей „простаго сгана“ (не-шляхты) таксирруется въ такомъ порядкѣ:

1) Панцырные слуги—	50 копъ (1566 г.),	60 копъ (1588 г.).	
2) Путные слуги	—30	„ 50	„
3) Тивуны, ключники, войты, старцы. . . .	40	„ 40	„
4) Бортники	25	„ 40	„
5) <i>Ремесленники старшіе</i> —золотарь, органистъ, пушкарь, гафтарь (золотошвей), <u>малеръ (живописецъ)</u> , сокольникъ, <u>манталеръ (извощикъ)</u> , <u>кравецъ (портной)</u> , коверникъ (ковёрный мастеръ)	30		
<i>Ремесленники меньшіе</i> —дойлида (плотникъ), коваль и др.	20		
6) Мѣщане магдебургій.	30		
Мѣщане меньшихъ мѣстечекъ (не магдебургій)	24		
7) Тяглые люди	20		
8) Паробки невольные.	10		
Невольники на урядахъ	20		

} 30 „
 } 30 „
 } 20 „

Ручное мастерство, въ разныхъ его видахъ и формахъ, искони составляло одну изъ наиболѣе важныхъ и необходимыхъ хозяйственныхъ отраслей, не только въ торгово-промышленныхъ центрахъ—городахъ и мѣстечкахъ, но и въ сельскихъ маетностяхъ—дворахъ господарскихъ и панскихъ, гдѣ только ведется въ сколько нибудь крупныхъ размѣрахъ самостоятельное фольварочное хозяйство. Продукты городского мастерства предназначаются, главнымъ образомъ, для рыночнаго сбыта,—мастерство сельское имѣетъ въ виду прежде всего мѣстныя потребности и нужды, какъ самихъ пановъ, ихъ многочисленной дворни и сельскихъ „подданныхъ“, такъ и разныхъ хозяйственныхъ операций и отраслей сельскаго хозяйства. Нужды пановъ, панскихъ фольварковъ и подданныхъ покрывались въ старое время, особенно при былой обособленности мѣщанскихъ магдебургій и панскихъ маетностей—„державъ“, не столько путемъ найма мѣщанскихъ мастеровъ или путемъ рыночнаго оборота продуктовъ ихъ промысла, сколько организаціей самостоятельнаго дворнаго или сельскаго мастерства собственными рабочими и служебными силами господарскихъ и панскихъ маетностей. Дѣйствительно, изъ западно-русскихъ инвентарій и другихъ актовъ видно, что, кромѣ немногихъ отраслей мастерства, объектомъ которыхъ служили продукты „мѣстскаго“ производства, мастера самыхъ разнообразныхъ профессій въ одинаковой мѣрѣ принадлежали къ горожанамъ и сельчанамъ¹⁾. Промысловое обособленіе магде-

¹⁾ О городскихъ и волостныхъ ремесленникахъ см. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 81, 94; ч. VII, т. I, 170 и пр. Въ статьяхъ Литовскаго Статута, таксирующихъ головщины и навезки простолоудиновъ, перечисляются главные разряды ремесленниковъ городскихъ и волостныхъ. Къ собственно „мѣстскимъ“ мастерамъ, не упоминающимся въ сельскихъ инвентаряхъ, относятся: золотари, органисты, гафтары и гофтарки (по польскому тексту Стат. *hawtarzy*, по русскому переводу 1811 г. золотошвей и золотошвейки, по латин. тексту Стат. 1529 г. *gemmarum intextori, gem. intextrici*), малерове (живописцы) и коверники (коверные мастера). Затѣмъ пушкари, кравцы, дойлиды (плотники) и другіе ремесленники принадлежали къ горожанамъ и сельчанамъ (Лит. Стат. 1529, XI, 2. Ст. 1566, XII, 3; Ст. 1588, XII, 5. *Zbiór*

бургій, въ смыслѣ монопольныхъ муниципій, выражалось собственно въ томъ, что на „мѣстскомъ фридѣ“ (въ чертѣ подгородныхъ земель) не могли сидѣть владѣльческіе промышленники-мастера, не подчинявшіеся общему городскому тяглу и юрисдикціи мѣщанскаго уряда. Подобное правило, наприм., записано въ Полоцкомъ привилеѣ 1511 г., запрещающемъ людямъ торговымъ и ремесленнымъ селиться на поляхъ подгородныхъ фольварковъ владычныхъ и церковныхъ: сидѣть на владѣльческихъ подгородныхъ земляхъ могутъ, по Полоцкому привилею, лишь люди сельскіе, „которые бы тамъ хлѣбъ робили“¹⁾. Въ данномъ случаѣ, какъ видно по всему, рѣчь идетъ объ обычной пошлинѣ, практиковавшейся и въ другихъ магдебургіяхъ. Что касается, затѣмъ, панскихъ дворовъ и селъ, лежавшихъ за рубежомъ „мѣстскихъ фридовъ“, то на нихъ не могли простираются монопольныя права магдебургій и потому жившіе въ нихъ сельчане могли слагаться не изъ однихъ рольниковъ, но и мастеровъ самыхъ разнообразныхъ профессій, чтó вполне подтверждается инвентарями XVI и слѣдующихъ столѣтій.

Мастерство, какъ видно изъ актовъ, практиковалось на одинаковыхъ основаніяхъ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ ремесленниками дворными (замковыми) и сельскими или волостными²⁾. Уставъ о волокахъ требуетъ, чтобы ремесленники (тели, ковали, слесари, колодѣи, бондари и пр.) были при всѣхъ господарскихъ замкахъ и дворахъ, особенно при путевыхъ ста-

---

пгах Litew., стр. 353). Впрочемъ, въ составѣ дворни крупныхъ магнатовъ Литвы-Руси могли встрѣчаться и такіе ремесленники, какъ ковѣрные мастера, золотошвей и др., доставлявшіе своимъ панамъ разные предметы роскоши мѣстнаго производства.

1) АЗР. II, № 70. Магдебургское право введено въ Полоцкѣ въ 1498 г. (ibid. № 159).

2) О ремесленникахъ въ господарскихъ имѣніяхъ см. Археогр. Сбор. I, стр. 189; III, № 22. АЗР. III, № 19, п. 48. Памят. II, стр. 163. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 14 и др. АВК. XIV, 625. Ср. Любавскаго, стр. 333. О ремесленникахъ въ панскихъ имѣніяхъ см. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 81, 103. Археог. Сборн. I, стр. 222. АВК. XIII, № 98; XIV, стр. 209, 223, 442, 468, 538 и пр.

нахъ (гостинцахъ), гдѣ господарь чаще бываетъ ¹⁾. Въ Литовскомъ Статутѣ 1529 г. упоминаются ремесленники не только изъ людей свободныхъ, но и изъ тяглыхъ и невольныхъ ²⁾. По инвентарямъ сельскіе ремесленники живутъ иногда цѣлыми поселками и отдѣльными дворами—службами, большею же частью принадлежатъ къ „зубожалымъ“ крестьянамъ, напр. къ четвертникамъ, сидѣвшимъ на чети дворищъ или службъ ³⁾, въ особенности къ загородникамъ и людямъ „убогимъ“ ⁴⁾.

¹⁾ АЗР. III № 19, п. 48. Ремесленники дворные или замковые, сельскіе или волостные нерѣдко упоминаются въ инвентаряхъ. См. напр., АВК. XIV, 625 (дворный тесля); Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, 81, 94 (волостные тесли); ч. VII, т. I, стр. 170 (городскіе и волостные тесли); VII, II, 35 (замковый коваль) и пр.

²⁾ Лит. Стат. 1529, XI, 2: головщина и навезка за людей ремесленныхъ назначается въ одинаковомъ размѣрѣ, „хотя бы тяглый и невольный былъ ремесленникомъ“ (по другому списку—„*chotiaby tiahlyi abo newolnyi byl s tych remesnikom*“; по латинскому тексту—„*et etiam si quis eorum fuerit ex genere kmethonum, tamen in artificio huiusmodi existenti*“,—*Zbiór praw Lit.*, стр. 353). О ремесленникахъ на положеніи тяглыхъ см. АВК. XIV, 466, 471.

³⁾ Напр. въ числѣ четвертниковъ упоминаются ковали, чоботари и пр. (Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 477, 483).

⁴⁾ Въ составѣ загородниковъ и людей убогихъ упоминаются, напр. швецы, ковали, бондари, кравцы, токари, кушниры и др. См. Арх. ЮЗР. ч. IV, т. I, стр. 477 (загородники); VII, II, 223 (убогіе), 247 (тоже), 326 (загородники) и пр. АВК. XIV, 474 (загородникъ). Изъ устава 1529 г. о господарскихъ дворахъ въ Литвѣ видно, что приписанные къ нимъ ремесленники (ковали) жили отдѣльными службами (АЗР. III, № 159, п. 13). Въ 1510 году дьяку Милошевичу данъ былъ особый поселокъ изъ четырехъ службъ оребниковъ (Любавскій, 776). Въ инвентаряхъ упоминаются не только отдѣльныя службы, но иногда и сплошныя ремесленныя села, промышлявшія опредѣленнымъ мастерствомъ, въ видѣ-ли обязательныхъ службъ, или же свободнаго промысла, на общемъ положеніи оброчниковъ. Въ Городенскомъ имѣніи Здытла кн. Острожескихъ все село Судники первоначально состояло на одномъ „судництвѣ“ (АВК. XIV, стр. 217). Въ люстраціи Люблинскаго староства, 1564 г., упоминается поселокъ дегтярей (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 336).

Основной составъ ремесленниковъ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ слагался изъ крестьянъ, которые приставлялись къ обязательно производившимся ими ремесленнымъ работамъ въ пользу панскихъ дворовъ. Работы эти носятъ обычное названіе „службы“, иногда „особной“ службы¹⁾, также „роботы“, „робенія“ или „повинностей“, различно обозначавшихся, смотря по роду и свойству мастерства, напр., служба дойлидская, ковальская, кравческая и пр.²⁾ Иногда служба ремесленниковъ обозначается техническимъ названіемъ самаго мастерства; таково напр., „дойлидство“ или „тесельство“ (плотничество), также „кравчество“, „судництво“, „мулярство“ и т. п.³⁾ Ремесленники „ремествомъ на дворъ служатъ“⁴⁾ „робять службу“ (напр., ковальскую)⁵⁾, „робять до двора, што потреба“ по ихъ мастерству⁶⁾, „дарма (даромъ) на дворъ служатъ“⁷⁾. Подобно промышленникамъ-рыболовамъ, бобровникамъ, бортникамъ и пр., ремесленники, сидѣвшіе на обязательныхъ дворныхъ службахъ, получаютъ „вольныя“ волюки „на дойлидство“ (cieselstwo), „судництво“ и пр.⁸⁾ Въ актахъ нерѣдко дворныя земли, раздававшіяся сельскимъ ремесленникамъ въ подмогу за ихъ службу, носятъ особія техническія обозначенія сообразно съ родомъ мастерства,— упоминаются, напр., дворища, земли, поля и пустощины „ко-

1) Лит. Метр. Записей № 5, л. 15 (актъ 1494 г.).

2) См. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, № 10 (служба ковальская и платнерская), стр. 14 (сл. седельницкая). АВК. XIV, стр. 223 (сл. пивоварская), 472 (чоботарева, кузнецовская); XVII, 63 (мулярская), 65 (колесницкая), 66 (стрихарская), 77 (санницкая). Археог. Сборн. III, № 111 (ткацкая) и пр. О „роботъ“ ремесленниковъ см. Арх. Сборн. I, стр. 189; АВК. XIV, 48; Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 340 (робеніе), 410 (urobienie). О „повинности“—АВК. XIV, 212; Памят. III, 135.

3) АВК. XIV, стр. 212, 217, 223, 253, 358, 468.

4) Археог. Сборн. III, № 22.

5) Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, № 10.

6) Ibid. ч. VII, т. II, стр. 243, 247. АВК. XIV, стр. 212.

7) Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 483; ч. VII, т. I, 609.

8) АВК. XIV, стр. 217, 223, 253, 468.

вальскія“ „муральскія“, „колесницкія“, „клепацкія“, „лучниковыя“ и т. п. ¹⁾).

Обязательная служба по мастерству на нужды панскихъ дворовъ, какъ видно изъ актовъ, обыкновенно освобождала ремесленниковъ отъ другихъ тяглыхъ службъ и полатковъ. Въ этомъ смыслѣ ремесленники нерѣдко обозначаются въ инвентаряхъ „вольными“ („liber“); иногда и самыя службы и земли ремесленниковъ называются также „вольными“ ²⁾). Впрочемъ, кромѣ спеціальной службы, ремесленники иногда платятъ небольшое дякло или подымное, также ходятъ на войну и толоку ³⁾).

Рядомъ съ ремесленниками, отправлявшими по своему мастерству обязательную службу въ пользу панскихъ дворовъ, въ инвентаряхъ и другихъ актахъ упоминаются сельскіе ремесленники, *свободные отъ дворныхъ службъ* и промышлявшіе мастерствомъ исключительно на собственный пожитокъ. Сюда относятся прежде всего бывшіе дворные ремесленники, отчисленные за неважностію отъ обязательныхъ службъ по данному мастерству и переведенные на чиншъ. Уставомъ 1514 г. господарскихъ дворовъ въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ положено оставить на службахъ при дворахъ ковалевъ „съ потребъ“, остальныхъ же осадить „на вроцъ“ (оброкъ, чиншъ) ⁴⁾). Общее распоряженіе касательно всѣхъ ремесленниковъ записано въ инструкціи ревизоровъ королевскихъ имѣній, 1569 г.: всякихъ ремесленниковъ, не нужныхъ для дворныхъ работъ по ихъ мастерству, ревизоры должны осадить на чиншахъ и приказать мѣстнымъ урядникамъ

---

¹⁾ Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, № 10 (земля ковальская); ч. VII, т. II, стр. 282 (поля ковальскія, лучниково дворище). АВК. XVII, стр. 7 (земля муральская, колесницкая). Лит. Метр. Записей № 7, л. 648 (пустовщины „клепацкія“).

²⁾ АВК. XIV, стр. 78 („вольный“), 223 („вольная“ волока), 468 (служба „вольная“ на мулярество). Арх. ЮЗР., ч. VII, т. II, стр. 223 („tokarz liber” отъ всего) и пр. Ср. также АВК. IV, 212, 217.

³⁾ Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 243. Любавскій, стр. 332; прилож. № 8.

⁴⁾ Любавскій, Прилож. № 23.

вмѣсто службъ брать съ нихъ положенный чиншъ ¹⁾. Въ инвентаряхъ господарскихъ и панскихъ имѣній XVI в. иногда также упоминаются по селамъ ремесленники, платившіе чинши за „вольность“ или „вызволенье“ отъ дворныхъ работъ (гобіенія) по ихъ мастерству ²⁾. Большею же частію сельскіе ремесленники безъ особыхъ оговорокъ перечисляются въ инвентаряхъ въ ряду людей осадныхъ или чиншевиковъ, свободныхъ отъ тяглыхъ службъ и ходившихъ иногда лишь на толоку ³⁾. На положеніи такихъ чиншевиковъ были, какъ видно по всему, ремесленники безземельные —загородники и люди „убогіе“, жившіе исключительно своимъ мастерствомъ ⁴⁾. Есть, впрочемъ, указанія также на ремесленниковъ, владѣвшихъ землями, т. е. занимавшихся сверхъ своего мастерства рольничествомъ или бортничествомъ и другими промыслами и потому числившихся въ составѣ людей тяглыхъ (особенно четвертниковъ) и данниковъ; кромѣ чинша собствен-

¹⁾ Археогр. Сборн. III, № 22.

²⁾ По инвентарю Любомльскаго староства кленачи села Кремно платятъ чиншъ за вызволеніе отъ „гобіенія клеpek“ (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 340). Дегтяри иногда за „вольность“ (за гонку смолы въ панской пущѣ) платятъ „вгайное“, денежный чиншъ (Арх. Сборн. II, стр. 178; Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 336).

³⁾ Къ осаднымъ людямъ, платившимъ чиншъ съ своихъ промысловъ, по инвентарямъ относятся: *ковали* (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 80, 89, 108, 117, 336; АВК. XIV, стр. 498), *слесари* (Арх. ЮЗР. VII, II, 325); *жельзняки* (АВК. XIV, 221), *лучники* (Арх. ЮЗР. VII, II, 335), *юмчари* (ibid. 82, 117, 290), *кушники* (ibid. 335), *швецы* (ibid. 117, 178, 205, 247, 293), *ткачи* (Арх. Сборн. III, № 111), *кравцы* (Арх. ЮЗР. VII, II, 98), *перевозники* (АВК. XIV, 626) и др. О такихъ же ремесленникахъ-чиншевникахъ, по видимому, говоритъ уставъ 1542 г. о господарскихъ дворахъ въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ: ремесленники, которые не несутъ тягой службы, по уставу ходятъ на толоку (12 дней въ годъ), косятъ сѣно и платятъ „осадное“ (грошевой платъ). См. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 14.

⁴⁾ Памятн. IV, стр. 163, 167, 218, 228. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 477, 483; ч. VII, т. II, 223, 247, 326. АВК. XIV, 474 и пр.

но съ мастерства, ремесленники этого разряда подлежали обычнымъ повинностямъ людей тяглыхъ и данниковъ¹⁾.

Въ Литвъ-Руси, наконецъ, ископи извѣстно было не только оѣдное, но и *отхожее мастерство*. Въ актахъ перѣдко упоминаются ремесленники наемные, дойлиды, будники, муралы и пр., служившіе за условленную плату въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ, въ особенности по такимъ родамъ мастерства, которые, по самому ихъ свойству, ведутся путемъ гуртовыхъ работъ²⁾. Отхожіе ремесленники могли быть изъ мѣстскихъ и сельскихъ мастеровъ—приходней, не несшихъ обязательныхъ дворныхъ службъ. Въ небольшихъ панскихъ имѣніяхъ могло практиковаться по преимуществу наемное мастерство.

Кооперативный строй древне-русскихъ ремесленныхъ „дружинъ“—артелей несомѣнно удерживался до позднѣйшаго времени въ организаціи сельскаго мастерства въ литовско-русскихъ областяхъ. Службы и дворы—дымы, какими по западно-русскимъ инвентарямъ живутъ сельскіе ремесленники, имѣли значеніе кустарныхъ семей и товариществъ сябровъ—мастеровъ, сообща ведшихъ свое домашнее производство совмѣстнымъ руч-

¹⁾ О ремесленникахъ, владѣвшихъ землями, см. АВК. XIV, 223, 468. На положеніи тяглыхъ людей были, напр., дойлиды (плотники) въ селѣ Осово имѣнія Глушекаго князей Заславскихъ (Арх. Сборн. III, стр. 39), также ковали въ селѣ Пилкавичи имѣнія Смолнянъ (АВК. XIV, 471; ср. также *ibid.*, 466). Бондари, ковали и другіе ремесленники перечисляются иногда въ составѣ четвертниковъ, также данниковъ (Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 477, 483; VII, II, 8, 325).

²⁾ По описанію Мозырскаго замка, 1552 г., волости производятъ „зстародавна“ замковую и парканную работу (постройку городень и пр.) чрезъ наемныхъ дойлидовъ (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. I, стр. 616). Такіе же наемные „теслы“ (плотники) упоминаются въ люстраціяхъ Кременецкаго замка, 1552 и 1563 г. (*ibid.*, VII, II, 35, 112). По люстраціи Ратненскаго замка, 1565 г., изготовленіе „towarów liesnych“ (досокъ, клепокъ, угля и пр.) ведется челядью, подъ руководствомъ особыхъ наемныхъ будниковъ (*ibid.*, 317). Работы каменщиковъ также велись гуртовымъ образомъ и тоже при участіи наемныхъ муралей (каменщиковъ,—см. ниже).

нымъ трудомъ¹⁾. „Мастеры“ и „уноты“ (восточно-русскіе дру- ги), шедшіе въ половинѣ XIII в. изъ разныхъ мѣстъ въ новый городъ Холмъ по вызову Данила Галицкаго²⁾, воспроизводятся позже въ ремесленныхъ сотникахъ, атаманахъ, мастерахъ и ихъ товарищахъ съ челядью, ведшихъ сообща работы гуртовья—те- сельскія, колесницкія, саницкія, будницкія, гутницкія, уголь- ницкія, ковальскія, муральскія и т. п.³⁾. Нѣтъ никакихъ основа- ній отождествлять артельные товарищества сельскихъ мастеровъ съ „мѣстскими“ ремесленными цехами—„братствами“ и „вриа- ми“ польско-литовскихъ магдебургій изъ *seniores, magistri, fra- tres, famuli* и пр.⁴⁾. Строгія монопольныя начала нѣмецкаго

---

1) Въ 1499 г. дана Смолен. епископу Іосифу въ Опетск. пов. въ Твердолучахъ за Днѣпромъ одна служба плотниковъ—Зенька съ 2-мя сыновьями, братомъ и братаничомъ (Коп. Лит. Метр. V, 140). Нѣтъ сомнѣнія, что службы ремесленниковъ, какъ и другихъ крестьянъ, могли слагаться изъ нѣсколькихъ сябровъ—товарищей (о послѣднихъ см. Vol. leg. II, 798).

2) ПСЛ. II, 196.

3) Люстрація Ратненскаго староства, 1565 г., знаетъ мастеровъ-будниковъ съ ихъ „челядью“ по совмѣстной выдѣлкѣ „лѣснаго товара“ (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 317). Въ Городенскихъ актахъ XVI в. нерѣдко упоминаются „сотники“ (колесницкіе, саницкіе), стоявшіе въ связи съ „службами“ сельскихъ мастеровъ (АВК. XVII, стр. 64, 77 и пр.). Точно также по описи Луцкаго замка 1552 г., гуртовья плотниція работы ведутся волостными теслями подъ руководствомъ „тесельскихъ атамановъ“ (Арх. ЮЗР. ч. VІІ, т. I, стр. 170). Поборовые универсалы, съ Люблинской уніи издававшіеся для Польши и Литвы-Руси, различаютъ „*mistrzów*“ и „*towarzysze*“ ихъ—„*węglarze, dymarsze, kowale, kuznicy*“ и пр.; такіе же „*mistrzowie u towarzysze ich*“ разрабатывали „*huty sklany*“ (Vol. leg. II, стр. 798, 1027 и пр.). Значеніе такихъ же ремесленныхъ кооперацій имѣютъ товарищества му- ралей, стрихарей и меловщиковъ, имѣвшихъ дѣло съ мастерствомъ по каменнымъ и кирпичнымъ постройкамъ. См. АВК. XIV, 468; XVII, 7, 18, 23, 26, 34, 39, 59, 63, 66, 175 и пр. Арх. ЮЗР. VI, II, 89; VII, II, 342.

4) О цехахъ литовско-русскихъ городовъ стараго времени см. Арх. Сborn. I, № 57 и слѣд. АЮЗР. I, 68. АВК. т. VI, IX и X (помѣ- щены цеховые уставы). Ср. Ярошевичъ, *Obraz Litwy*, I (особая глава

средневѣковаго Stadtrecht, лежавшія, какъ извѣстно, въ основѣ цеховой организациі мастерства въ старыхъ магдебургіяхъ, были совершенно чужды сельскому мастерству. Оно искони оперировало на почвѣ свободныхъ началъ сябринной организациі древне-русскихъ ремесленныхъ „дружинъ“,—началь, доселѣ сохраняющихся иногда въ полной неприкосновенности въ современной организациі русскаго кустарнаго производства ¹⁾).

Сельскіе ремесленники группируются въ отдѣльные разряды, главнымъ образомъ, по различію объектовъ производства, имѣвшихъ по мѣстнымъ условіямъ извѣстное значеніе въ хозяйствѣ панскихъ фольварковъ и крестьянскихъ дворовъ. Такимъ образомъ, богатая лѣсная угодья сѣверной половины литовско-русскаго государства представляли одно изъ важныхъ хозяйствен-

---

o rękodzielach i rzemiosłach). Surowiecki, O upadku przemysłu u miast w Polsce (1770; вт. изд. 1810). В. Антоновичъ, О промышленности юго-зап. края въ XVIII ст. (Записки юго-зап. отдѣла Имп. Геогр. Общества, 1874, I). О мѣщан. управленіи въ зап.-рус. городахъ (Предисл. къ Акт. Вил. Ком. 1872, VI). И. Спрогисъ, О цеховомъ устройствѣ и управленіи зап.-рус. городовъ (ibid., 1878, IX). Древніе цехов. уставы зап.-рус. городовъ (ibid., 1879, X). Щербина, Очерки южно-рус. артелей (1880). Владим.—Буданова „Нѣм. право“ и пр.

¹⁾ Въ аналогическихъ же формахъ представляется сельское мастерство въ недавно изданныхъ инвентаряхъ Галичины, половины XVI в. (См. „Жерела“, I). Ремесло отправляется, какъ и въ Литвѣ-Руси, въ видѣ обязательныхъ дворныхъ службъ или же свободнаго крестьянскаго промысла, оплачиваемаго чиншемъ. Дворные ремесленники, имѣющіе свои дома и роли, ничего не платятъ, но обязаны „по своему ремеслу робить до двора“ даромъ или съ меньшей платой, чѣмъ другимъ (стр. 134, 166, 181, 273). Сельскіе ремесленники, не состоящіе на дворной службѣ, числятся въ составѣ тяглыхъ, если имѣютъ свое рольничье хозяйство (стр. 16, 31, 66 и пр.); живущіе однимъ мастерствомъ обозначаются въ составѣ урочныхъ (89), загородниковъ (273), подсуѣдковъ (30, 84, 273) или коморниковъ (101, 102). Упомянуты сельскіе тесли (плотники), liesniczi (гонтовщики, литов. будники), бондари, ковали (кузнецы), dumarze (плавильщики желѣза), слесари, гончари, гутники (стекляры), кушныры, шведцы (чоботари), ткачи, кравцы и пр.

ныхъ подспорій для панскихъ фольварковъ и крестьянъ. Въ лѣсахъ добывался матеріалъ для „будованья“ (построекъ) и разныхъ лѣсныхъ подѣлокъ, составлявшихъ промыслъ цѣлаго ряда особыхъ ремесленныхъ классовъ: плотниковъ, будниковъ, бондарей, смолярей, токарей, колесниковъ, санниковъ и пр. Въ инвентаряхъ упоминаются затѣмъ особые классы мастеровъ по металлическому производству—по выдѣлкѣ различныхъ металлическихъ издѣлій, по преимуществу желѣзныхъ, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ (ковали, слесари), также по выдѣлкѣ оружейныхъ издѣлій (пушкари, платнера, мечовники, лучники, рогатинники и пр.). Предметомъ сельского мастерства было изготовленіе издѣлій каменныхъ и „будованіе“ каменныхъ построекъ (каменоломы, жорновщики, муляри или муралы, стрихари, мѣловники), выдѣлка издѣлій гончарныхъ и стеклянныхъ (скляры). Особые классы сельскихъ мастеровъ пріурочивались къ выдѣлкѣ тканей (ткачи, обрусники, скатертники), портняжеству и кожевенному производству (кожемяки, кушнеры, рымари, хомутники, швены и пр.). Выдѣлка пищевыхъ продуктовъ и питей, въ свою очередь, составляла промыслъ сельскихъ рѣзниковъ, медосытцевъ, пивоваровъ, винокуровъ и шинкарей (корчмитовъ, корчмарей). Упоминается, наконецъ, промыслъ транспортный (перевозчики, возницы или фурманы и повозники). Мы и разсмотримъ по всѣмъ указаннымъ промысламъ документальныя данныя, содержащіяся въ западно-русскихъ инвентаряхъ и другихъ актахъ XV и слѣдующихъ вѣковъ.

I. Выдѣлка *строеваго лѣса* ¹⁾ и „будованіе“ деревяныхъ построекъ составляли исконный промыслъ *плотниковъ* (древне-

¹⁾ Въ поборовыхъ универсалахъ 1578 и слѣд. годовъ (Vol. leg II, 989; III, 160 и пр.) „towary leśne“, выдѣлывавшіяся въ господарскихъ имѣніяхъ къ „скарбовому“ пожитку или старости мѣстныхъ, состоятъ изъ лѣса *строеваго* и *подпольнаго*. Къ первому относятся: *maszty*—цѣльные мачтовые деревья въ срубѣ; *sembrowina* (sebrowina, —sebга, срубъ лѣсной)—строевой лѣсъ для кладки стѣнъ въ постройкахъ и пр. (Zimmerholz); *baly*—балки, обаполки, тѣсанное дерево, напр. для потолковъ; *tarcicy*—распиленные доски для половъ и пр.

русскихъ рубленниковъ, древодѣловъ, или древодѣльцевъ, домо-здателей, деревяныхъ здателей), преобладавшій въ особенности въ лѣсныхъ мѣстностяхъ восточной и западной Руси. „Плотники“, отправлявшіе „плотницкую службу“, лишь изрѣдка упоминаются въ старыхъ западно-русскихъ актахъ¹⁾. Литовско-русскіе плотники обозначаются въ мѣстныхъ актахъ названіемъ литовскихъ *дойлидовъ* (дойлида, дойдидь, довдидь, doijlid, dailyda) или польскихъ *cieśli* (*cieśla, czesła, тесля*) съ ихъ „дойлидствомъ“ или „тесельствомъ“ (*ciesielstwo*). Въ латинскихъ спискахъ Литовскаго Статута дойдидь переводится сл. *architectus*²⁾. Въ актахъ упоминаются плотники дворные и сельскіе или волостные, состоявшіе на службѣ „плотницкой“ (на дойдидствѣ, особой службѣ дойдидеской, *ciesielstwie*, работахъ *ciesielskich*, тесельствѣ, работахъ тесельскихъ). Въ господарскихъ и панскихъ

См. Linde, Słownik, I, 47 (bal), 226 (cembrowina); III, 56 (maszt); V, 650 (tarcica). Выдѣлка строеваго лѣса и приспособленіе его къ постройкамъ—задача плотницкаго мастерства. *Подълочный* лѣсъ состоитъ изъ *wanczos, klerki* и пр. Подѣлки выдѣлывались въ лѣсныхъ будахъ (купахъ) артелями „будниковъ“, извѣстныхъ по актамъ подыменемъ клепачей и пр. (см. ниже о будахъ и будникахъ).

¹⁾ Намъ извѣстенъ лишь одинъ смоленскій актъ конца XV в., гдѣ говорится о „плотникахъ“. Въ 1499 г. вел. кн. Александръ далъ Смоленскому Владыкѣ Іосифу листъ на одну службу плотниковъ въ Опетскомъ повѣтѣ Смолен. земли (Коп. Лит. Метр. V, 140).

²⁾ О дойдидахъ см. АВК. XIV, стр. 223, 253, 282, 468, 538; XVII, 9, 12, 24 и пр. Археог. Сборн. I, стр. 223; III, 39. Арх. ЮЗР, VII, т. I, стр. 616. Лит. Стат. 1529, XI, 2; Ст. 1566, XII, 3; Ст. 1588. XII, 5. Коп. Лит. Метр. V, 62 (довдидь). По Нессельману (Wörterb. 130), лит. *dailyda* (*dailyde, dailydus, dailydele, dailydukas*)—Künstler. Baumeister, Zimmermann. Ср. E. Wolte, Litaunismen,—въ *Mitteilung.*, Hft 19, стр. 53. О *cieśla* см. АВК. XIV, стр. 48, 75, 468; Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 112; пол. текстъ Лит. Стат. 1588 г., XII, 5 (*cieśla*—дойдидь). О *czesła*—АВК. XIV, 468. О тесляхъ—*ibid.*, 212, 625; Арх. ЮЗР. ч. VII, т. I, 170; ч. VII, т. II, 35; Арх. Сборн. I, стр. 189; Памят. III, стр. 11, 16; АЗР. III, № 19, п. 48. Ср. Linde, Słownik, I, 307; Nesselmann, 92, 100 (лит. *teszła, taszła*—Teig). *Zbiór praw Lit.* 353 (*doijlid, architectus*).

имѣніяхъ плотники, на общемъ основаніи съ другими мастерами, получаютъ на дойлидство и тесельство „вольныя“ волоки¹⁾ и, кромѣ того, владѣютъ иногда и своими отчизными землями независимо отъ особаго надѣла на службу²⁾. Плотники, по всему видно, принадлежали въ большинствѣ къ зажиточнымъ классамъ сельчанъ; въ старыхъ актахъ лишь изрѣдка упоминаются плотники въ составѣ безземельныхъ загородниковъ³⁾. Гуртовья работы плотники ведутъ, по описи Луцкаго замка 1552 г., въ господарскомъ замкѣ, „робять“ разныя деревяныя подѣлки, ставятъ „хоромы рубленныя“ изъ готоваго дерева и пр.; работой ихъ завѣдываетъ особый „атаманъ тесельскій“⁴⁾. Полной свободой отъ повинностей тяглыхъ людей плотники, какъ видно изъ актовъ, пользовались лишь тамъ, гдѣ они постоянно отправляли плотницкую службу; при неимѣніи въ панскихъ дворахъ особыхъ работъ по плотницкому ремеслу, плотники отправляли общія повинности наравнѣ съ тяглыми людьми или данниками⁵⁾. Въ актахъ упоми-

1) АВК. XIV, 223; Лит. Метр. Записей № 5, л. 17 (земля на „особной“ службѣ). Иногда земельные надѣлы плотниковъ имѣютъ значительные размѣры. Напр., по инвентарю имѣнія Смолнянъ кн. Сангушекъ (въ Могилев. пов.) въ с. Сельцо сидѣли два тесля, исполнявшіе работы въ панскомъ дворѣ и имѣвшіе подъ собой 7 волокъ „на ciesielstwie“ (АВК. XIV, 468).

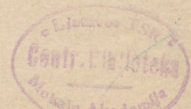
2) Напр., въ 1499 г. Смоленскому епископу Юсифу дана одна служба плотниковъ съ „ихъ“ землями (Коп. Лит. Метр. V, 140). Впрочемъ, плотники иногда „служили“ и съ своихъ „отчизныхъ“ земель (см. напр. листъ 1494 г.—Коп. Лит. Метр. VI, 25). Въ 1494 г. господарскіе дойлиды Немейко Кгечисъ и Татаринъ били челомъ господарю о дозволеніи держать „дѣльницу“ умершаго ихъ брата; она дана имъ на особную службу „съ того намъ службу (дойлидскую) служить и дякло даютъ, какъ и брать ихъ службу служилъ и дякло давалъ“ (Лит. Метр. Запис. № 5, л. 17).

3) Арх. ЮЗР. VI, I, 477. Памят. III, 16. АВК. XIV, 44. Въ позднѣйшихъ поборовыхъ универсалахъ съ конца XVII в. *ciesle* упоминаются въ числѣ людей *lôżnych*, a *domo absentes*, промышлявшихъ отхожимъ мастерствомъ (Vol. leg. V, 179).

4) Арх. ЮЗР. ч. VII, т. I, стр. 170.

5) Въ селѣ Савичахъ Городенскаго имѣнія Здытла кн. Острожскихъ одинъ дворъ былъ „на тесельстве посажонъ, которое при дворе

593828

ства¹⁾; г) *уголь*—для домашняго обыхода, для горновъ кузнечныхъ, выдѣлки пороха и пр.²⁾; д) гонка *смолы* (дѣгтя)³⁾. Исчисленные виды лѣсныхъ издѣлій, какъ видно изъ актовъ, выдѣлывались каждый въ особыхъ будахъ или купахъ. Сосредоточеніе ихъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ отдѣльныхъ пущахъ, какъ и вообще производство различныхъ лѣсныхъ издѣлій, зависѣли отъ территоріальныхъ размѣровъ пущъ и изобилія въ нихъ лѣснаго матеріала, пригоднаго для издѣлій строительныхъ, бочарныхъ, смоляныхъ, поташныхъ и пр.⁴⁾.

АЗР. II, № 159. Ср. Linde, Słownik II, 374,—klepka, klappholz, Fasztauben. О pipe см. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 317 (fiflie). Vol. leg. II, 989 (pipelki). Ср. Linde, IV, 128,—pipe, pipelki—Pipenstäbe, клепки для пивныхъ боченковъ.

¹⁾ О попель, поташъ и potażarniach см. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 14; ч. VII, т. II, 317, 351, 419. АЗР. II, № 159. Vol. leg. II, 989 (poriol); V, 179 (potaż). Ср. Linde, Słownik IV, 342, 401.

²⁾ См. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 26. АВК. XVII, 38, 108, 131, 174. Vol. leg. II, 799, 1303. Любавскій, № 8.

³⁾ Арх. Сборн. I, стр. 16, 17; II, стр. 178. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 334. АВК. XVII, 93, 294, 337. Vol. leg. II, 983, 989, 997, 1027, 1303; V, 179.

⁴⁾ Такимъ образомъ, изъ уставовъ 1529 и 1542 г. господарскихъ дворовъ въ Виленскомъ и Трокскомъ пов., гдѣ сосредоточивались главные господарскія пущи, видно, что въ послѣднихъ существовали ряды отдѣльныхъ будъ по выдѣлкѣ смолы, ванчоса, пошла я клепокъ (АЗР. II, № 159; Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 14). Въ господарскихъ пущахъ Пуньской, Дорсунишской, Бириштанской и Вилькейской, сданныхъ въ 1515 г. въ частную аренду, выдѣлывался ванчосъ, клепки и попель для поташа (Любавскій, стр. 490). По инвентарямъ Ратненскаго и Любомльскаго староствъ, второй половины XVI в., въ мѣстныхъ пущахъ имѣлись всѣ лѣсныя буды, кромѣ угольныхъ (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 317, 336, 340, 351). Въ Городенскихъ пущахъ выдѣлывался гонть, уголь и деготь (АВК. XVII, 38, 93, 139 и пр.); въ Слонимскихъ пущахъ—клепки (АЮЗР. I, № 56); въ пущахъ Волковийскаго двора—клепки и уголь (Любавскій, прилож. № 8); въ Кобринскомъ староствѣ—гонть (АВК. XIV, 571). По инвентарю Овручскаго староства, 1629 г., въ лѣсахъ держались лишь буды „на уробіеніе poriołów“, —по показанію инвентаря, старыя буды въ то время были разорены и лѣса истреблены на попель (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 419).

Въ инвентаряхъ и другихъ актахъ говорится о будахъ и будникахъ, главнымъ образомъ, въ лѣсахъ и пущахъ господарскихъ; въ актахъ данинъ есть, впрочемъ, указанія на мастеровъ, работавшихъ въ лѣсныхъ будахъ (клепачей, дегтярей, угольниковъ) и путемъ пожалованій переходившихъ во владѣнiе частныхъ землевладѣльцевъ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что и помимо господарскихъ данинъ въ маестностяхъ мѣстныхъ князей и вообще крупныхъ пановъ-землевладѣльцевъ, обладавшихъ богатыми лѣсными угодьями, могли практиковаться въ панскихъ пущахъ такiе же промыслы лѣсныхъ будниковъ, какъ и въ экономiяхъ господарскихъ.

Лѣсныя угодья съ будами въ господарскихъ маестностяхъ, какъ видно изъ актовъ, эксплуатировались путемъ сдачи будъ въ откупное содержанiе частнымъ промышленникамъ²⁾. Впрочемъ, откупная система далеко не была общимъ правиломъ; въ уставахъ господарскихъ дворовъ и въ инвентаряхъ отдѣльных староствъ и господарскихъ замковъ XVI в. встрѣчаются категорическiя указанiя на непосредственную эксплуатацiю лѣсныхъ будъ мѣстными старостами и вообще дворными урядами, эксплуатировавшими буды на равнiѣ съ другими лѣсными угодьями путемъ „особныхъ“ службъ крестьянскихъ. Такимъ образомъ, въ уставахъ 1529 и 1542 г. о господарскихъ дворахъ въ собственной Литвѣ (въ повѣтахъ Виленскомъ и Трокекомъ) литовскiй господарь заявляетъ, что существующiе при господарскихъ дворахъ „пожитки въ купахъ въ лѣсѣ, т. е. смолы, ванчосъ, клепки, попель, тое суполно на насъ zostавуемъ“³⁾. Въ началѣ XVI

1) О данинѣ клепачей см. АЮЗР. I, № 56. Въ записной книгѣ Казимира отмѣчена такая данина: „Ольгишу два чоловѣки на Гоголицы, дегтяри“. Въ 1509 г. даны пану Юрью Немировичу двѣ службы угольниковъ въ Новгородскомъ повѣтѣ (Любавскiй, стр. 335).

2) Такъ, въ 1515 г. сданы на откупъ нѣмцу Ганусу Бѣлому четыре буды въ Пуньской, Дорсунишской, Бирштанской и Вилькейской пущахъ: „маеть онъ тамъ дерево на ванчусъ и клешки робити и попель жечи, а намъ маеть давати 200 кошь грошей въ годъ“ (Любавскiй, стр. 490).

3) АЗР. II, № 159. Арх. ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 14.

вѣка при господарскомъ Волковыйскомъ дворѣ числилось 19 службъ клепацкихъ (изъ нихъ 6 пустовскихъ) и 4 угольницкихъ; по всему видно, службы эти представляли отдѣльные поселки крестьянъ, выдѣлывавшихъ лѣсные матеріалы при мѣстныхъ будахъ, въ видѣ обязательной повинности въ пользу господарскаго двора¹⁾. Точно также изъ люстрацій Ратненскаго и Любомльскаго староствъ, второй половины XVI в., видно, что въ мѣстныхъ пущахъ лѣсные матеріалы (вангось, клепки, зола и смола) изготовлялись крестьянами въ пользу мѣстныхъ замковъ и дворовъ господарскихъ²⁾. На непосредственную эксплуатацію лѣсныхъ будъ самими крестьянами указываютъ нерѣдко упоминающіеся въ актахъ отдѣльные классы лѣсныхъ промышленниковъ-будниковъ, — шиндельниковъ или гонтовщиковъ (gontarze), клепачей, попеларовъ (popielarze), угольниковъ (węglarze) и дегтярей (smolarze, dziegciarze), отправлявшихъ по своему мастерству обязательныя дворныя службы или же работавшихъ въ лѣсныхъ пущахъ на свой пожитокъ, въ качествѣ вольныхъ промышленниковъ-чиншевиковъ.

Лѣсныя издѣлія, добывавшіяся издѣльнымъ промысломъ крестьянъ въ будахъ господарскихъ и панскихъ, шли, главнымъ образомъ, на хозяйственныя нужды панскихъ дворовъ и замковъ. Напримѣръ, въ будахъ угольницкихъ изготовлялся лѣсной матеріалъ, необходимый для потребностей замковой обороны: по люстраціи Кременецкаго замка 1552 г., къ „статкамъ у обороны“ замковой относятся, между прочимъ, „уголья на порохъ“³⁾. Точно также и другія подѣлки строительныя, бочарныя и пр. изготовлялись въ лѣсныхъ будахъ на хозяйственныя надобности панскихъ фольварковъ и крестьянскихъ дворовъ. Что касается, затѣмъ, гуртоваго производства лѣснаго матеріала иногда съ значительнымъ составомъ промышленныхъ артелей, состоявшихъ при господарскихъ и панскихъ будахъ, то лѣсныя издѣлія гуртоваго производства могли быть предметомъ, какъ рыночнаго сбыта на мѣстѣ, напр.

1) Любавскій, Прилож. № 8.

2) Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 317, 336, 340, 351.

3) Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 26.

„мѣстскимъ“ скупщикамъ, промышлявшимъ „лѣснымъ товаромъ“, такъ и вывоза ихъ для продажи въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, по люстраціи Любомльскаго староства 1564 г., бочарныя издѣлія, клепки, изготовлявшіяся въ господарскихъ пущахъ гуртовой работой крестьянъ, вывозятся на продажу въ Гданскъ¹⁾; въ пущахъ Ратненскаго замка, какъ видно изъ люстраціи 1565 г., поташный матеріалъ (popiół) „палать“ на продажу²⁾ и пр.

Какъ видно изъ актовъ, будники обозначали вообще лѣсныхъ промышленниковъ-мастеровъ, изготовлявшихъ въ господарскихъ и панскихъ пущахъ, при мѣстныхъ „будахъ“ и „купахъ“, издѣлія строительныя (ванчосъ и пр.), бочарныя, поташныя (popiół) и пр.³⁾. Будники живутъ иногда значительными поселками мастеровъ, ведшихъ гуртовую работу при будахъ бочарныхъ и другихъ лѣсныхъ издѣлій⁴⁾. Угольники, напр., подобно другимъ ремесленникамъ, обозначаются въ поборовыхъ универсалахъ въ составѣ mistrzów съ ихъ towarzysze⁵⁾. Точно также будники, изготовлявшіе въ лѣсахъ Ратненскаго и Любомльскаго староствъ на замковыя потребности и на продажу „towarí liesne“, издѣлія строительныя, бо-

1) Ibid., стр. 351.

2) Ibid., 317.

3) О будникахъ см. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 317, 351, 419; будники изготовляютъ для замковъ и на продажу wanczosy, klepki, waszilki, fíflie (píple), палать или робятъ popiół и пр. Такіе же будники промышляли въ „купахъ“ лѣсныхъ, о которыхъ говорятъ уставы 1529 и 1542 г. господарскихъ дворовъ Вилен. и Трокек. повѣтовъ (АЗР. II, № 159; Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 14). О будахъ, купахъ и будникахъ см. Linde, Słownik, I, 190; II, 548. О budarzach, или koraszach, работавшихъ въ купахъ и будахъ, ср. также Czacki, O pol. i litew. prawach, II, 199. E. Wolter, Littaunismen, въ Mittheilungen, Hft. 19, стр. 54—55.

4) Напр., при Волковийскомъ дворѣ числилось 13 службъ клепачей и, кромѣ того, было 6 клепачихъ пустовщинъ. Инвентарь этого двора изданъ Любавскимъ (Прилож. № 8) въ неполномъ составѣ; въ перечнѣ клепачихъ службъ пропущены: „Лука Лоскотовичъ, служба“. . . „а пустовщинъ клепачихъ 6“ (См. Лит. Метр. Запис. № 7, л. 648).

5) Vol. leg. II, 799, 1303 и пр.

чарныя и др., какъ видно изъ люстрацій половины XVI в., имѣютъ при лѣсныхъ будахъ, для гуртовыхъ работъ, „челядь“, очевидно, на общемъ положеніи зависимыхъ людей, отправлявшихъ по своему мастерству „особныя“ службы въ пользу панскихъ дворовъ¹⁾.

По различію спеціальныхъ „будовницкихъ“ службъ²⁾, въ актахъ упоминаются будники подъ разными видовыми названіями. Таковы:

Шиндельники (gontarze) упоминаются въ актахъ Городенскихъ и Кобринскихъ, въ значеніи гонтовщиковъ—мастеровъ, изготовлявшихъ въ лѣсныхъ будахъ гонтъ (поль. gont, нѣм. Schindel), рус. драницы (дрань) для обшивки потолковъ, стѣнъ, также для крышъ и пр.³⁾.

Клепачи—мастера, изготовлявшіе въ лѣсныхъ будахъ бочарныя издѣлія (клепки, ripple) непосредственно на продажу и для домашняго обихода, главнымъ образомъ, въ видѣ лѣснаго матеріала, поступавшаго въ окончательную отдѣлку мастеровъ—бондарей (см. ниже)⁴⁾. Изъ „реистра“ Волковыйскаго двора, первой половины XVI в., видно, что къ этому двору тянуло 13 службъ клепачей, жившихъ, повидимому, отдѣльнымъ поселкомъ⁵⁾. По инвентарю, клепачи „службу служатъ клепацкую, дякло да-

1) Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 317, 351.

2) Вѣроятно, къ разряду такихъ же лѣсныхъ службъ слѣдуетъ относить службу „бытовницкую“ литовско-русскихъ крестьянъ, о которой говорится въ статьѣ покойнаго профессора С. А. Бернадскаго: „Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ“ (Кіев. Старина 1888 г., № 10, стр. 96). Въ статьѣ не выяснено значеніе бытовницкой службы и не приведены актовыя данныя, касающіяся этой службы.

3) АВК. XIV, стр. 571; XVII, 139, 174, 203. Ср. Linde, Slown. II, 92 (gont). Въ инвентаряхъ Галичины, половины XVI в., упоминаются „lesniczi“—польсовщики, изготовлявшіе въ лѣсахъ gonti (см. Жерела I, стр. 57).

4) О клепачахъ и клепкахъ см. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 14; VII, II, 317, 340, 351. АЗР. II, № 159. АЮЗР. I, № 56. Vol. leg. II, 989 и пр. Любавскій, Прилож. № 8. Ср. Linde, Slown. II, 374 (klepki); IV, 128.

5) Въ подлинномъ инвентарѣ упоминаются, кромѣ жилыхъ службъ, еще 6 клепацкихъ пустошчинъ.

ютъ, сѣно косятъ, на войну съ державцою ходятъ, а службы тяг-
лое не служатъ“¹⁾. По всей вѣроятности, здѣсь записана обычная
„пошлина“, одинаково опредѣлявшая клепацкія повинности и въ
другихъ мѣстностяхъ.

Попеляры (popielarze)—будники, „палившіе“ попель (зо-
лу) на продажу и для домашняго приготовленія поташа въ осо-
быхъ лѣсныхъ будахъ (potażarnie, potażnie), Попеляры упоми-
наются въ поборовыхъ универсалахъ въ значеніи ремесленниковъ
—мастеровъ съ ихъ товарищами по ремеслу²⁾. Такое же зна-
ченіе имѣютъ будники, которые по люстраціямъ и уставамъ XVI
в. „робятъ“ или „палятъ“ попель на поташъ³⁾. „Potażarnie“
извѣстны были еще древнимъ Пруссамъ⁴⁾.

Угольники (węglarze)—мастера (mistrzowie) и ихъ товари-
щи, отправлявшіе свои службы при особыхъ будахъ лѣсныхъ,
для выжиганья угля, шедшаго въ продажу и на хозяйственный
обходъ, главнымъ же образомъ для замковыхъ „статковъ у обо-
ронѣ“—на приготовленіе пороха особыми мастерами—пушкаря-
ми, также для рудныхъ и кузнецкихъ горновъ, печей и пр. При
Волковыйскомъ дворѣ числились въ началѣ XVI в. 4 службы
угольниковъ: „службу служатъ угольницкую, а дякло не даютъ,
одно по вепру съ службы даютъ“⁵⁾. Такую же службу отправ-
ляли угольники господарскихъ дворовъ въ Городенскомъ повѣтѣ
и въ другихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ⁶⁾.

¹⁾ Любавскій, Прилож. № 8. Авторъ, повидимому, производить наименованіе клепачей не отъ сл. клепка, а „клепать“ (ковать желѣзо), и потому полагаетъ, что служба клепачей была „однород-
ной“ съ ковалями, т. е. относилась къ кузнечному мастерству, что
положительно не вѣрно (Любавскій, стр. 332).

²⁾ Vol. leg. II, 997, 1027, 1248, 1303.

³⁾ Арх. ЮЗР. VI, I, 14; VII, II, 317, 419 (bydy na urobienie
popielów, potasze).

⁴⁾ Pamiętnik polit. i historyczny na 1782 r., стр. 82, 762.

⁵⁾ Любавскій, Прилож. № 8.

⁶⁾ АВК. XVII, стр. 38, 108, 131, 174. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II,
96 (замковые „статки у обороне—уголья на порохъ“). Vol. leg. II,
799, 1303 и пр.

Къ лѣснымъ же будникамъ—ремесленникамъ принадлежать *дегтяри* (*dziegciarze*), состоявшіе съ своими товарищами на такихъ же дворныхъ службахъ, какъ и другіе лѣсные промышленники. По инвентарямъ и другимъ актамъ, дегтяри „палать“, „гонять“ смолу или деготь въ пущахъ, въ бывшихъ тамъ лѣсныхъ купахъ и будахъ, также *smoliarniach*, гутахъ, бендюгахъ или печахъ смоляныхъ (нѣм. *Pechhütte*)¹⁾.

Въ актахъ упоминаются также будники (клепачи, дегтяри и пр.), *свободные отъ службъ будницкихъ* и промышленавшіе въ лѣсныхъ угодьяхъ своихъ и панскихъ (по найму, за особую плату) выдѣлкой разныхъ издѣлій на свой собственный пожитокъ, съ платежемъ въ панскій „скарбъ“ чинша за „вызволеніе“ отъ обязательныхъ службъ (напр., отъ „робенія“ клепокъ и пр.), или съ особой платой за „вольность“ пользованія въ панскихъ пущахъ лѣснымъ матеріаломъ, напр. для гонки смолы („вгайное“) и пр.²⁾.

¹⁾ См. АВК. XVII, стр. 93, 294, 337. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 336. Археогр. Сборн. I, стр. 16, 17 (бендюги); II, 178. АЗР. II, № 159 (смола въ лѣсныхъ купахъ). Въ поборовыхъ универсалахъ *dziegciarze* отличаются отъ *smolarze* (*smolnicy* или *smelcarze*): дегтяри и смоляри платятъ каждый отъ своего ремесла; смоляры, которые до *spustów smoly palą u towarzysze smolników* (платятъ) *od pieca* (печя) *każdegó* (Vol. leg. II, 997, 1303). О *smolarniach*, гдѣ „палать“ смолу, см. *ibid.*, V, 179. Дегтярь выдѣлываетъ изъ выжигаемой въ будахъ березовой коры смолу, которая затѣмъ вываривается въ особыхъ печахъ—бендюгахъ или смолярняхъ. Смоляры собираютъ „живицу“, вытекающую изъ сосенъ или же выпаливаютъ смолу въ купахъ изъ сосновыхъ и дубовыхъ лучинъ и затѣмъ вывариваютъ или „топятъ“ твердую „мазь“ въ особыхъ печныхъ котлахъ. См. Linde, *Słown.* I, 599 (*dziegciarz*); V, 352 (*smoła* и *smolarz*).

²⁾ Напр., по люстраціи Любомльскаго староства, кмети села Кремно были освобождены отъ выдѣлки клепокъ въ пущахъ въ пользу двора и вмѣсто службы клепацкой были обложены каждый особымъ чиншемъ съ лѣсныхъ промысловъ (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 340). Въ другомъ селѣ того же староства жили два дегтяря, платившіе въ годъ по 24 гроша за „вольность въ лѣсахъ“, т. е. за право гонки смолы въ панской пущѣ на свой пожитокъ (*ibid.*, 336).

Есть, наконецъ, указанія на разработку въ пущахъ лѣснаго „товара“ (ванчоса, клепокъ и пр.), для продажи и на нужды панскихъ дворовъ, чрезъ *наемныхъ* будниковъ, работавшихъ за особую плату, при участіи дворной „челяди“¹⁾.

Лѣсной матеріалъ, изготовлявшійся плотниками и будниками разныхъ спеціальностей, поступалъ затѣмъ на дальнѣйшую разработку, съ цѣлью ближайшаго приспособленія лѣсныхъ подѣлокъ къ непосредственному употребленію ихъ въ хозяйственномъ обыходѣ. Отсюда новые виды мастерства—бочарнаго, колеснаго, столярнаго и т. п.

Бочарное мастерство велось въ фольваркахъ и селахъ имѣній государскихъ и панскихъ особымъ классомъ ремесленниковъ—*бондарями* (*bodnarz, bednarz*), приспособлявшими издѣлія лѣсныхъ клепачей къ разнымъ формамъ бочарнаго производства.

Бондари, какъ видно изъ актовъ, отправляли по своему мастерству „особныя“ дворныя службы или же промышляли бочарнымъ ремесломъ на собственный пожитокъ. Бондари свободные числились иногда въ составѣ людей тяглыхъ, особенно четвертниковъ, большею же частію сидѣли въ загородникахъ и платили съ своего промысла чиншъ на общемъ основаніи съ другими ремесленниками—чиншевиками²⁾.

Лѣсныя издѣлія были, затѣмъ, предметомъ весьма распростра-

Въ одномъ актѣ плата послѣдняго рода называется „вгайное“ (Археогр. Сборн. II, стр. 178).

¹⁾ Такимъ образомъ, по люстраціямъ Ратненскаго и Любомльскаго староствъ, половины XVI в., „товары лѣсные“ (ванчосъ, клепки, попель и пр.) изготовлялись въ мѣстныхъ пущахъ наемными будниками, за плату деньгами и житомъ; для работъ они имѣли „челядь“ изъ дворныхъ ремесленниковъ (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 317, 354).

²⁾ О бондаряхъ см. АЗР. III, № 19 (и. 48). Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 477; VI, II, 81, 83, 103, 119, 132. АВК. XIV, стр. 571; XVII, 132, 229 и пр. „Bednarzy“ упоминаются также въ инвентаряхъ Галичины; какъ видно, они числились здѣсь вообще въ составѣ тяглыхъ (см. „Жерела“, I, стр. 120).

неннаго въ старой Литвѣ *колеснаго мастерства*. Въ западно-русскихъ актахъ очень рано ¹⁾ упоминаются *колесники* (колодѣи или стельмахи) ²⁾ въ составѣ имѣній государскихъ, княжескихъ и панскихъ ³⁾. Подобно другимъ ремесленникамъ, колесники отправляли въ пользу панскихъ дворовъ по своему ремеслу особыя службы „колесницкія“ ⁴⁾ и на общемъ положеніи служебныхъ людей владѣли землями „колесницкими“ ⁵⁾. Въстѣ съ тѣмъ въ инвентаряхъ упоминаются не—служебные колесники, жившіе въ загородникахъ на чинщѣ ⁶⁾. Извѣстны были также колесники наемные, работавшіе за плату ⁷⁾.

Однородный классъ сельскихъ ремесленниковъ составляли *санники*. Въ большихъ экономіяхъ государскихъ и панскихъ выдѣлка саней составляла особую повинность иногда цѣлаго ряда служебныхъ дворовъ санниковъ, отправлявшихъ „службы санницкія“ при мѣстныхъ панскихъ дворахъ ⁸⁾. Въ инвентарѣ Волковыйскаго двора повинность санниковъ такъ опредѣляется: „службы тягломое не служатъ, только толоку служатъ, а сѣно косятъ, а на войну ходятъ, а дякла не даютъ“; санники составляли отдѣльный поселокъ изъ восьми службъ ⁹⁾. Такіе же санники

1) Kołodziej (колесники) упоминаются, напр., въ числѣ нѣмецкихъ колонистовъ, призывавшихся въ 1323 г. Гедиминомъ для поселенія въ Литвѣ (Skarbies, № 298, 299).

2) О колесникахъ см. АВК. XIV, стр. 45, 65, 209, 221, 442, 624; XVII 5, 7, 57, 64; Арх. ЮЗР. ч. VI, т. II, 81, 101; Арх. Сborn. I, 29, 222. О колодѣяхъ—Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, 326; АВК. XIV, 54; АЗР. III, № 19 (п. 48). О стельмахахъ (стольмахъ, нѣм. Stellmacher, Wagner)—Лит. Стат. 1588, XII, 5. Ср. Linde, Słownik II, 407, 410; V, 431.

3) О колесникахъ въ княжескихъ и панскихъ имѣніяхъ см. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. II, 81, 100; Археогр. Сborn. I, 222. АВК. XIV, 209, 442.

4) См., наприм., АВК. XVII, стр. 65.

5) Ibid. 7.

6) Ibid. XIV, 442, 443. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, 326.

7) АВК. XIV, 209, 221.

8) О службѣ „саницкой“ см., наприм., АВК. XVII, 77.

9) Любавскій, Прилож. № 8.

числились при господарскихъ дворахъ Витебскихъ, Городенскихъ и пр. ¹⁾.

Въ актахъ упоминаются и другіе роды сельскаго мастерства, имѣвшіе своимъ предметомъ выдѣлку изъ лѣснаго „товара“ разныхъ издѣлій, необходимыхъ въ хозяйственномъ обыходѣ. Таково мастерство сельскихъ *столяровъ* (*tesarzy, teszarzy*), *скринниковъ* (сундучныхъ мастеровъ), *токарей, сѣдельниковъ* (*siodlarzy*), *судниковъ* (изготавливавшихъ „начинье деревеное“, кухонную и вообще домашнюю посуду изъ дерева), *ситниковъ* (выдѣлывавшихъ сита, пол. *sitarzy*) и *кошовниковъ* (корзинщиковъ) ²⁾. Одни изъ мастеровъ отправляютъ по своему ремеслу дворныя „службы“ (напр., „сѣдельницкія“), сидятъ на „судницствѣ“, „столярствѣ“ и пр., владѣютъ „вольными“ волоками, считаются „*liber*“ отъ другихъ повинностей, „робятъ до двора“, что потребуется по ихъ мастерству и пр.; другіе промышляютъ въ качествѣ вольныхъ мастеровъ, съ платежомъ чинша, паравиѣ съ другими, неслужебными ремесленниками ³⁾.

¹⁾ Ibid., Прилож. № 5. АВК. XVII, стр. 44, 77, 88 и пр.

²⁾ О столярахъ см. АВК. XIV, 622. Лит. Стат. 1529, XI, 2 (по латински—*mensarius*); 1566, XII, 3; 1588, XII, 5. О скринникахъ—АВК. XVII, 36, 289, 347 (въ числѣ сельскихъ „подданныхъ“). О токаряхъ—Арх. ЮЗР. ч. VI, т. II, 81; VII, II, 243. О сѣдельникахъ—АВК. XIV, 253, 254; XVII, 159; П. С. Л. II, 196. О судникахъ—АВК. XIV, 217. О ситникахъ (пол. *sitarz*, нѣм. *Sieb-macher*)—АВК. XIV, 210, 216. О кошевникахъ—*ibid.*, XVII, 34.

³⁾ По люстраціи Овручскаго замка, 1545 г., въ одномъ селѣ числится „Василь седелъникъ, тотъ служить службу седелъницкую“ (Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, № 10). Въ селѣ Судники Городенскаго имѣнія Здятла кн. Острожскихъ сидѣлъ на одной волокъ Ивашъ Окула „на судницствѣ“,—„съ того ничего не повинень, одно только начинье деревеное до двора роботать“; раньше все село состояло изъ однихъ судниковъ. Въ другомъ селѣ сидѣлъ ситникъ на волокъ на общемъ положеніи тяглаго (АВК. XIV, 210, 217). По люстраціи Барскаго староства, 1565 г., въ числѣ „*zubożelych*“ числится „*tokarz—liber* отъ всего, только часомъ робить до двора, что потребуется“, платить, какъ и другіе убогіе, только пушкарровщизну и подымное (АВК. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 243). Скринники, токари и другіе мастера упо-

II. Продукты *металлическаго производства*, добывавшіеся рудниками въ необработанномъ видѣ ¹⁾, составляли предметъ дальнѣйшей разработки ихъ въ разныя металлическія издѣлія, необходимыя въ хозяйственномъ обыходѣ народа. Особые классы западно-русскихъ мастеровъ по металлическому производству упоминаются по лѣтописямъ еще въ до—литовское время ²⁾. Въ числѣ нѣмецкихъ колонистовъ, призывавшихся Гедиминомъ для поселенія въ Литвѣ, между прочимъ, упоминаются ковали ³⁾. Въ актахъ послѣдующаго времени находимъ указанія не только на городскихъ, но и сельскихъ мастеровъ по выдѣлкѣ металлическихъ издѣлій. Въ инвентаряхъ и другихъ литовско-русскихъ актахъ стараго времени намѣчаются въ особенности кузнецы, слесари и оружейные мастера, принадлежавшіе къ сельскому населенію имѣній господарскихъ и панскихъ. Сдѣлаемъ общій обзоръ документальныхъ данныхъ, касающихся упомянутыхъ рядовъ сельскихъ мастеровъ по литовско-русскимъ актамъ XV и слѣдующихъ столѣтій.

Ковали, также *кузнецы* или *жельзняки* (kowale, kuźnicy, żelezniki) ⁴⁾ составляютъ наиболѣе многочисленный классъ сель-

минаются въ составѣ сельскихъ „подданныхъ” имѣній, не только господарскихъ, но и панскихъ (ibid., VI, II, 81; АВК. XVII, 347 и пр.).

¹⁾ См. мой очеркъ—Сельскіе промышленники въ лит.-рус. государствѣ (Варш. Унив. Изв. 1897, VII, стр. 127).

²⁾ Выше приведено лѣтописное извѣстіе половины XIII в. (ок. 1257 г.) объ основаніи Даниломъ Галицкимъ г. Холма, куда шли по призыву князя разные „прихожаѣ—лучници и тульницы и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебру”, селившіеся подъ городомъ, „въ поляхъ и *селахъ*” (П. С. Л. II, стр. 196).

³⁾ Skarbiec, № 298 и 299 (грамоты Гедимины, 1323 г.).

⁴⁾ О сельскихъ „коваляхъ” см. АЗР. II, № 159 (п. 13 и 14). Археог. Сборн. I, стр. 223; II, № 22. Памят. III, стр. 12, 117, 135, 163. Арх. ЮЗР., ч. VI, т. I, стр. 14, 477, 483; VI, II, 65, 78; VII, I, 609; VII, II, 8, 35, 80, 108, 117, 148 и пр. АВК. XIV, 47, 76, 175 и пр.; XVII, 70, 79, 84 и пр. Любавскій, Прилож. № 23. Лит. Стат. 1529, XI, 2; 1566, XII, 3; 1588, XII, 5. Vol. leg. II, 664, 799, 823, 983, 1303; III,

ских мастеровъ, встрѣчавшихся, по актамъ, въ большинствѣ имѣній господарскихъ и панскихъ. Едва-ли найдется хоть одинъ инвентарь, гдѣ бы въ перечнѣ людей дворныхъ и сельчанъ не упоминались мастера, промышленяшіе выдѣлкой издѣлій, по преимуществу желѣзныхъ, необходимыхъ въ хозяйствахъ панскихъ и крестьянскихъ дворовъ. Въ поборовыхъ универсалахъ упоминаются *kotlarze*, ковавшіе котлы и другія издѣлія ¹⁾). Подобно другимъ промышленникамъ, ковали числятся въ составѣ дворныхъ „служекъ“ (челяди невольной) ²⁾ и сельскихъ жителей, отправлявшихъ по своему мастерству „особыя“ службы или же промышленявшихъ своими издѣліями на свой собственный пожитокъ. Повинности кузнецовъ дворныхъ и сельскихъ обозначаются „службами ковальскими“ или „кузницковскими“ ³⁾; упоминается также „повинность“ ковальская ⁴⁾. Ковали, „установочные замковые“ (или дворные), отправлявшіе при панскихъ дворахъ и фольваркахъ постоянную службу по своему мастерству, „робятъ желѣзо“ ⁵⁾ въ кузняхъ (*kuźnia, kuźnica, kowalnia*) съ мѣхами и печами (горнами, *dymarkami, piecami* и пр.) — „робятъ на панскій дворъ дарма“ (иногда на панскомъ хлѣбѣ), что прикажутъ по ихъ ремеслу, — „повинни робити на замокъ службу ковальскую“, „ремесломъ на дворъ служить“, „ничего больше не платятъ и не робятъ, и пр.“ ⁶⁾. Господарскіе ковали, по уставу 1529 г., сверхъ специальной службы, участвуютъ въ толокахъ и сѣно косятъ ⁷⁾. На общемъ положеніи съ другими ремесленниками, ковали вла-

52. О „кузнецахъ“ см. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 8; АВК. XIV, 472. Любавскій, Прилож. № 2.—О желѣзникахъ“ см. АВК. XIV, стр. 71, 75, 221.

¹⁾ Vol. leg. III, 592.

²⁾ О коваляхъ—служкахъ см. Арх. ЮЗР., ч. VII, т. II, стр. 148.

³⁾ Ibid., ч. VI, т. I, № 10 (служба ковальская). АВК. XIV, стр. 472 (сл. кузницковская).

⁴⁾ Памят. III, стр. 135.

⁵⁾ АВК. XIV, стр. 221.

⁶⁾ Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, № 10, стр. 483; VII, I, стр. 609; VII, II, стр. 148. Археогр. Сборн. III, № 22.

⁷⁾ АЗР. II, № 159, п. 14.

дѣють дававшимися имъ „особо“ за службу землями „ковальскими или „кузнецовыми“¹⁾. Обязательная „служба“ кузнецкая не обнимала всего состава сельскихъ кузнецовъ. Въ уставахъ господарскихъ дворовъ 1514 и 1529 г., содержится, между прочимъ, распоряженіе объ оставленіи при дворахъ кузнечныхъ мастеровъ, лишь сколько требовалось дворными „потребами“; излишніе мастера должны осаживаться „на врокъ“—чиншевыхъ платежахъ съ мастерства²⁾. О кузнецахъ „осадныхъ“, состоявшихъ на чиншѣ, безъ обязательныхъ службъ по мастерству, говорятъ нерѣдко инвентари и другіе акты³⁾. Кузнечные мастера перечисляются въ инвентаряхъ изрѣдка также въ общемъ составѣ людей тяглыхъ⁴⁾, особенно четвертниковъ⁵⁾, иногда также данниковъ и загородниковъ⁶⁾; ковали упоминаются также въ числѣ людей „вольныхъ“ (лисичниковъ Подольскихъ), сидѣвшихъ на „жалобѣ“ и ничего не платившихъ съ своего мастерства⁷⁾. Находимъ, наконецъ, указанія на ковалей „уставичныхъ замковыхъ“, занимавшихъ мастерствомъ не въ видѣ обязательной службы, а по найму, за условленную плату⁸⁾.

1) Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, № 10; VII, II, стр. 282. Въ записной книгѣ Казимира зарегистрирована давина земли кузнецовой, оставшейся „пустой“ послѣ смерти или ухода владѣльца: „Судку да Олехну Колинкиновичомъ (дана) Белякова земля кузнецова, ажъ будетъ пуста, до воли“.

2) Любавскій, Прилож. № 23 (уставъ 1514 г.). АЗР. II, № 159 (уст. 1529 г.).

3) См. напр., Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 80, 89, 108, 117, 336; АВК. XIV, стр. 498. Въ Городенскомъ имѣніи Эдятла кн. Острожескихъ желѣзняки—чиншевики сидѣли въ трехъ селахъ войтовства Охоновскаго, и вотъ какъ опредѣляются въ инвентарѣ ихъ повинности: „робяты желѣзо, теда водлугъ давнього звичаю отъ кождыхъ меховъ (при кузнечныхъ печахъ) платить мають у кождый рокъ при *цымьшу* по грошей 30, которыхъ (желѣзняковъ) есть теперь 8“ (АВК. XIV, стр. 221).

4) АВК. XIV, стр. 471.

5) Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 477, 483.

6) О кузнецахъ—данникахъ см. *ibid.*, VII, II, стр. 8. О загородникахъ — *ibid.*, 281; АВК. XIV, 474.

7) Любавскій, Прилож. № 2; Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 221.

8) Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 35. „Ковали“ и „кузнецы“ из-

Какъ видно изъ уставовъ и инвентарей господарскихъ дворовъ, на службѣ при главныхъ замкахъ и дворахъ числились *слѣсаря* (замочники) и *оружейные мастера*, не только изъ мѣщанъ, но и изъ дворной челяди и сельчанъ. Дворные слѣсаря упоминаются въ уставѣ о волокахъ 1557 г. ¹⁾ Въ люстраціи Любомльскаго староства 1564 г. также встрѣчается сельскій слѣсарь, числившійся на чиншѣ наравнѣ съ другими данниками ²⁾. *Стрѣменники*, состоявшіе при господарскихъ дворахъ, поставляли на господара съ дававшейся имъ земли извѣстное количество своихъ издѣлій (стрѣмень сѣдельныхъ ³⁾). *Рогатинники* принадлежали къ оружейнымъ мастерамъ, „робили“ на господарскіе замки рогатины. Издѣлія эти вмѣстѣ съ гаковницами, ручницами и иной „зброей“, показаны въ одномъ инвентарѣ въ составѣ „стрѣльбы замковой“, или „дѣла желѣзнаго“ ⁴⁾. Къ оружейнымъ же мастерамъ по актамъ относятся: *лучники*, *тульницы*, *мечовники*, *платнеры* и *пушкары*. Лучники и тульницы упоминаются въ Ипатьевской лѣтописи въ числѣ мастеровъ, селившихся въ Хол-

вѣсны также инвентарямъ Галичины, половины XVI в. Одни изъ нихъ освобождались отъ платежей и тяглыхъ повинностей, — „według swego rzemiosła roby, ezo mu rosказа, do dwора“ (Жерела, I, стр. 134); другіе числились въ составѣ „урочныхъ“ или „roschieznich, состоявшихъ на чиншѣ. (См. *ibid.*, 16, 66—кузнецъ, 88, 89, 119). Ковали работали также при рудахъ, доставляли въ дворъ желѣзо (*ibid.*, 97).

¹⁾ АЗР. III, № 19, п. 48.

²⁾ Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 325. Ср. Лит. Стат. 1588, VII, 5. Linde, *Slownik*, V, 323 (slosarz, zamecznik, нѣм. Schloser).

³⁾ Любавскій, стр. 334.

⁴⁾ См. Любавскаго, стр. 332. О рогатинахъ и иной замковой зброѣ см. инвентарь имѣнія Глушкаго кн. Заславскихъ, 1571 г. (Археогр. Сборн. III, № 26, стр. 39). Ср. Linde, *Slownik*, V, 60, — пол. *rogatina*, *pertica aucupatoria*, нѣм. *Wurfspiesz*. Рогатины донынѣ употребляются въ Литвѣ охотниками на медвѣдей. По сообщенію Бѣльскаго, поляки въ старину употребляли на войнѣ рогатины, которыя однимъ концомъ укрѣплялись на боку коня, а другимъ волочились по землѣ; отсюда названіе рогатинъ *włoczniami* (Czacki, *O praw. pol. i lit.* 216).

мъ и сосѣднихъ селахъ, по вызову Данила Галицкаго ¹⁾. Въ записной книгѣ Казимира и инвентаряхъ XVI в. встрѣчаются лучниковые сельца ²⁾, лучниковые дворища ³⁾ и лучники (загородники), въ значеніи мастеровъ, выдѣлывавшихъ луки (arcus, balista) для стрѣльбы охотниковъ и ратниковъ ⁴⁾. Мечовники упоминаются въ Городенскихъ актахъ въ значеніи замковыхъ оружейниковъ, выдѣлывавшихъ мечи ⁵⁾. Платнеры - мастера доспѣшные (збройные, панцырные), отправлявшіе службу „платнерскую“ по выдѣлкѣ „платнеровъ“, числившихся въ составѣ ратной зброи,—панцырей, шишаковъ съ кольчатыми наличниками (мисюрками), карацень (итал. саггаса, кирась, панцырныхъ броней изъ мелкой бляхи—шелухи), щитовъ (tarcze, puklerzy, roweży), blachownie (нагрудниковъ изъ бляхъ метал.) и разныхъ другихъ желѣзныхъ доспѣховъ (gunsztunki, armatura). Платнеры съ ихъ мастерствомъ упоминаются не только въ составѣ мѣщанъ, но и сельскихъ „подданныхъ“ ⁶⁾. „Platnerz“ соот-

¹⁾ ПСЛ. II, 196. Въмѣстѣ съ лучниками упоминаются въ лѣтописи также *тульницы*—мастера, выдѣлывавшіе „тулы“, колчаны для хранения лучныхъ стрѣлъ (См. Linde, Słownik V, 739—tuł). Въ литовско-русскихъ актахъ не встрѣчаются тульники.

²⁾ Любавскій, 334 (по запис. книгѣ Казимира).

³⁾ Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 282 (люстр. Ратнен. староства, 1565).

⁴⁾ Ibid., стр. 335 (люстр. Любомль. староства 1564). О лучникахъ-стрѣльцахъ въ старой Литвѣ см. Strykowski, Kronika Lit. (въ Zbiór dziejopisów Варш. изд., 1764, стр. 292), и М. Kromer, Kronika (ibid., стр. 274).

⁵⁾ АВК. XVII, стр. 61.

⁶⁾ Платнеры—ратная „зброя“ упоминается въ актѣ 1498 г. о скарбахъ пана Юршины: въ составѣ имущества, оставшагося послѣ его смерти, перечисляется скарбъ съ зброей, въ томъ числѣ съ платнерами (Коп. Лит. Метр. V, 398,—въ подлин. Метрикѣ л. 273). Въ другомъ актѣ 1514 г. упоминается збройный оружейникъ-платнеръ маршалка земскаго, державцы Слонимскаго Яна Миколаевича (Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 1, л. 63). По люстраціи Овручскаго замка 1545 г., въ составѣ замковыхъ подданныхъ упоминается „Долмать Громъ—служба платнерская“ (Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, № 10). Въ 1613 году со-

вѣтствуетъ нѣм. Plattner, Harnischmacher—отъ средневѣковаго латинскаго названія панцыря—plata, мастеръ панцырный—plater¹⁾).

Къ оружейнымъ мастерамъ относятся также пушкари. Въ Литовскомъ Статутѣ пушкари (по латин. спискамъ—bombardarii) упоминаются въ числѣ ремесленниковъ²⁾. Изъ инвентарей XVI вѣка видно, что пушкари замковые большею частію жили по селамъ и, кромѣ ратной („пушкарской“) службы, отправляли въ панскихъ дворахъ и замкахъ службу въ качествѣ „збройныхъ“ мастеровъ,—„робили“ селитру и порохъ изъ замковаго матеріала, ковали и оправляли всякую „стрѣльбу“—ручницы и другое „дѣло“ (оружіе)³⁾.

III. *Каменное, кирпичное, известковое и гончарное производство*, какъ видно изъ старыхъ литовско-русскихъ инвентарей и другихъ актовъ (съ XVI в.), составляло промыслъ сельскихъ ремесленниковъ—плитниковъ, жерновниковъ, муралей (мурларей), стрихарей, меловниковъ и гончарей.

Плитники упоминаются въ Городенскихъ актахъ XVI в. въ значеніи каменоломовъ или каменотесовъ (старыхъ камено-

стоялась особая сеймовая конституція о мѣщанскихъ platnerzach въ Вильнѣ и Коввѣ; на сеймѣ было постановлено, чтобы мѣщане названныхъ городовъ завели на городекія средства особыхъ „platnerzów ze wszystkimi do tego rzemiosła potrzebami, tak jakoby zbroie, szyszaki, nowe robione były, dla których platnerzów slosarnią y mieszkanie ich mieszczanie zbudować y opatrzeć z prowentow miejskich mają y powinni będą“ (Vol. leg. III, стр. 199, п. 5). О ратныхъ „доспѣхахъ“ и мастерахъ „збройныхъ“ (platnerzach) см. Naruszewicz, Hist. narodu Polsk. 1786, т. I, стр. 392; II, 150, 391; III, 170, V, 90. М. Kromer, Kronika (Zbiór dziejopisów 1764, стр. 277, 632). Bielski, Kronika Polska (ibid., 329). Strykowski, Kronika Litew. (ibid., 106). Linde, Słownik, IV, стр. 146 (platnerz); см. также sub voce „zbroja“, „pancerz“ и пр. G(loger), Słownik rzeczy starożytnych. Warsz. 1896, стр. 304 (platnerz).

1) Du Cange, Glossar. lat. sub voce plata.

2) Лит. Стат. 1529, XI, 2; 1566, XII, 3; 1588, XII, 5. Zhiór pr. Litew., стр. 353.

3) АВК. XIII, стр. 572. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 27; VII, I, 80, 594, 601; VII, II, 35, 89, 414.

дѣлателей), работавшихъ въ плитницахъ (каменоломняхъ)¹⁾. По залоговой записи 1522 г., данной королемъ Сигизмундомъ Радивловичу на Городенскую „державу“, державцѣ предоставляется завѣдывать „плитами“, оправлять ими городскія стѣны службой ремесленниковъ (муралей, стрихарей и меловниковъ,—см. ниже), приставлявшихся къ замковымъ работамъ — „будованію“ и ремонту „города“²⁾. Подъ „плитами“ разумѣется въ данномъ случаѣ тесанный камень (известнякъ), изготовлявшійся въ каменоломняхъ плитниками.

Выдѣлка мельничныхъ жерновъ изъ камней, добытыхъ въ плитницахъ, составляла особый промыселъ *жерновниковъ* (шорновниковъ). Изъ одного акта 1514 г. видно, что въ составѣ господарскихъ людей Мойшогольской волости числилось нѣсколько жерновниковъ, служба которыхъ состояла въ доставкѣ „жерновъ“ на господарскіе млины, съ освобожденіемъ мастеровъ отъ другихъ повинностей крестьянскихъ³⁾. Такіе же мастера и стѣны же службами могли встрѣчаться и въ другихъ мѣстахъ. Выдѣлка жерновъ, какъ и другіе крестьянскіе промыслы, могла также практиковаться въ видѣ свободнаго промысла крестьянъ на собственный пожитокъ, съ обложеніемъ ихъ обычными, промысловыми чиншами.

Добываніе и выдѣлка „плитъ“, также кирпичное и известковое производство стояли въ связи съ нуждами земской обороны, съ будованіемъ укрѣпленныхъ замковъ и „городовъ“ съ „мурами“ (стѣнами замковыми, обронными), соотвѣтствовавшими древне-русскому „городному“ или „городовому дѣлу“, „городоставленію“⁴⁾; какъ и вообще древне-русскому „каменному зда-

1) О плитникахъ см. АВК. XVII, стр. 212. О плитницахъ—*ibid.* 22, 26. Плитникамъ соотвѣтствуютъ древне-русскіе каменосѣчцы (упоминаются уже въ концѣ X в.,—П. С. Л. I, 52), пол. *kamienniki*, *Steinbrecher*, *Steinscheider*; пол. *plyty*—камни въ необработанныхъ кускахъ (Linde, *Słownik* II, 299; IV, 179).

2) Лит. Метр. Судн. дѣль № 3, л. 142.

3) *Ibid.*, Судн. дѣль № 1, л. 89. Поль. *żarna*—мельничный камень (Linde, VI, 874).

4) ПСЛ. I, 214; III, 15, 33 и пр.

тельству“ или „каменному строенію“¹⁾. Въ Литвъ-Руси, какъ и въ восточно-русскихъ земляхъ, города, служившіе центрами земской обороны, въ старину по преимуществу „рубилась“ изъ „столпьевъ“, въ видѣ деревянныхъ остроговъ, твердей, кромовъ, остоевъ и пр. Указанія на укрѣпленные „замки“ съ каменными „мурами“, устроявшіеся въ центральныхъ пунктахъ и на окраинахъ государства, притомъ въ маестностяхъ не только господарскихъ, но и панскихъ, приурочиваются главнымъ образомъ къ XV и XVI в.,—времени упроченія колонизаціи края. Съ этихъ поръ, вмѣстѣ съ устройствомъ привилегированныхъ магдебургій, стали заводиться въ литовско-русскихъ мѣстахъ и мѣстечкахъ такіе же господарскіе и панскіе „палацы“ и „замки“ съ „мурами“²⁾, какіе со временъ Казимира В. устроились вездѣ въ польскихъ областяхъ³⁾. Къ тому же времени, какъ кажется, слѣдуетъ относить и выдѣленіе въ составъ горожанъ и сельчанъ

¹⁾ „Зидатели палатъ“ каменныхъ извѣстны были на Руси (во Кіев. землѣ) уже при Владимірѣ Св., въ концѣ X в. (ПСЛ. I, 52; Никон. лѣт. I, 103). Въ 1160 г. Андрей Боголюбскій устроилъ въ Владимірѣ каменную церковь св. Троицы: „приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастера“ (ПСЛ. I, 150). Въ ярлыкахъ XIII в. упоминаются „каменные здатели“ (Собр. госуд. грам. II, № 2, 7). Ростовцы—по лѣтописямъ—каменщики, какъ Новгородцы—плотники. Владычня палата каменная въ Новгородѣ строилась въ 1433 г. мастерами Новгородскими и заморскими (ПСЛ. III, 111; ср. *ibid.* IV, 152 и пр.). О каменномъ строительствѣ въ древней Руси см. Аристова Промышленность на Руси.

²⁾ Литовскій Статутъ первыхъ двухъ редакцій (1529 и 1566 г.) знаетъ одни „дворы“, въ смыслѣ господарской резиденціи. Эти-то древне-русскіе дворы замѣняются въ третьемъ Статутѣ польско-нѣмецкими мурованными (каменными) „замками“ и „палацами“ (Лит. Стат. 1588, I, 9 и пр.).

³⁾ У Линде приводится (изъ сочин. L. Gornickiego—„O elekcji, wolności etc. rozmowa, czyli Włoch“) извѣстіе о началѣ постройки въ Польшѣ каменныхъ городовъ съ „мурами“, въ эпоху полного развитія въ краѣ нѣмецкой колонизаціи и культуры: „od niemców za Kazimierza Wielkiego *mury* (каменные городскія стѣны) w Polsce nastaly, i Niemcy dopiero w Polsce mury rozmnożyli“ (Linde, Słownik, III, 181).

людей ремесленныхъ съ ихъ „особыми“ службами по каменному производству—„муральству“ и „стрихарству“, имѣвшимъ дѣло съ устройствомъ и ремонтомъ замковыхъ „муръ“, также господарскихъ и панскихъ мурованныхъ „палацовъ“. Самыя наименованія мастерства и промышлявшихъ имъ ремесленниковъ указываютъ на каменное производство, какъ на одинъ изъ результатовъ культурнаго воздѣйствія Польши на Литву-Русь XV и слѣд. вѣковъ.

Замковыя работы, какъ видно изъ актовъ, „оправлялись“ особыми классами мастеровъ по каменному производству—муралами, стрихарями и мѣловниками. Указаніе на ихъ связь съ „будованьемъ“ замковъ, находимъ въ приведенной выше залоговой записи 1522 года короля Сигизмунда Радивиловичу на Городенскую „державу“, съ представленіемъ державцѣ „оправлять“ замокъ каменной работой служившихъ при немъ муралей, стрихарей и мѣловниковъ¹⁾. Такое же единство службъ связывало муралей, стрихарей и мѣловниковъ Городенскихъ, сообща получившихъ въ 1516 г., по данинѣ господарской, вольную корчму безъ взиманія съ нея капщизны: „нехай служатъ тыми службами, какъ и передъ тымъ служивали“²⁾. Въ актахъ упоминаются мастера, жившіе не только въ городахъ (собственно при замкахъ), но и по селамъ, въ составѣ господарскихъ и панскихъ „подданныхъ“³⁾. Городскіе ремесленные люди, обязанные службами по „оправленію“ замковъ и состоявшіе въ городскомъ или замковомъ правѣ, какъ не безъ основанія полагаютъ изслѣдователи, потому и находились въ такомъ положеніи, что коренное мѣстожителство ихъ было въ селѣ, а не въ „мѣстскомъ фридѣ“, какъ выражаются акты⁴⁾. Если муралы, стрихары и мѣловники обозначаются иногда въ актахъ жильцами городскими, то ни-

1) Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 3, л. 142.

2) Любавскій, стр. 333 (по Лит. Метрику).

3) О мураляхъ и стрихаряхъ—сельскихъ „подданныхъ“ см. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. II, стр. 89; VII, II, 342. АВК. XIV, 468; XVII, 7, 18, 26, 34 и пр. Ср. также Любавскій, 333.

4) Любавскій, 334.

сколько не на общемъ положеніи мѣщанъ, а въ качествѣ собственно служебныхъ людей, которые по самому существу ихъ мастерства необходимо должны были жить въ мѣстахъ отправленія ими замковыхъ службъ.

Муралы (муляры, mularzy, mularzy)¹⁾ соотвѣтствуютъ древне-русскимъ „каменнымъ здателямъ“, означаютъ городскихъ и сельскихъ ремесленниковъ²⁾, промышлявшихъ каменными работами по „будованью“ городскихъ стѣнъ, замковъ, палацовъ и другихъ каменныхъ построекъ. Муралы, приставлявшіеся къ управленію городовъ и замковъ „плитами“, по актамъ, состоятъ „на муральствѣ“, отправляютъ „службу муральскую“³⁾. Земли „муральскія“, дававшіяся муралямъ за службу⁴⁾, означаютъ тоже, что и „вольныя“ волоки другихъ ремесленниковъ, отправлявшихъ обязательныя службы по своему мастерству. „Муральство“ иногда называется „вольной“ службой⁵⁾ въ томъ смыслѣ, что отправлявшіе ее мастера не подлежали никакимъ другимъ повинностямъ. Въ поборовыхъ универсалахъ XVII в. есть указанія на муралей—отхожихъ ремесленниковъ, причислявшихся къ людямъ „łoznym, a domo absentes“⁶⁾.

1) См. АВК. XIV, стр. 468; XVII, 7, 18, 26, 34, 39, 40, 60, 63, 220. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. II, стр. 89. Vol. leg. II, 179. Лит. Стат. 1529, XI, 2; 1596, XII, 3; 1588, XII, 5 (мураль, муляръ или мулерь—въ числѣ ремесленниковъ). Zbiór pr. lit., 353—мураль, murator). Пол. mularz (mularz)—каменщикъ, каменный мастеръ, нѣм. Maurer, Maurermeister (Linde, Słownik, III, 179), литов. muroras, murinkas (Nesselmann, Wörterb. 410).

2) О сельскихъ муральяхъ см. напр., АВК. XIV, 468. О муральяхъ въ панскихъ имѣніяхъ см. Арх. ЮЗР. VI, II, 89.

3) О службѣ „муральской“ или „на муральствѣ“ см. АВК. XIV, 468; XVII, 63. Муральство, какъ видно изъ приведеннаго выше залоговаго листа Сигизмунда 1522 г., состояло въ томъ, что муралы, вмѣстѣ съ стрихарями и мѣловниками, опраляли городъ плитами. (Лит. Метр. Судн. дѣль № 3, л. 142).

4) АВК. XVII, стр. 7.

5) АВК. XIV, 468.

6) Vol. leg. V, 179 (поборов. универсалъ 1678 г.).

Мѣловники упоминаются въ актахъ вмѣстѣ съ мураліями и стрихарами, въ качествѣ мастеровъ, сообща производившихъ замковыя работы по устройству „муровъ“ (городовыхъ стѣнъ и пр.)¹⁾. Литовско-русскій мѣловникъ, по всему видно, соотвѣтствуетъ поль. wapiennik (calcarius), выжигавшему известь изъ мѣла (mieła, miałka, kreta, kreda, малор. крейда) или камней-известняковъ, для муръ и другихъ построекъ изъ плитъ и кирпичей²⁾.

Глинистая почва особенно лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностей сѣверной половины литовскаго государства изстари давала богатый матеріалъ для производства разнаго рода глиняныхъ издѣлій, въ особенности кирпичныхъ и гончарныхъ. *Глинники*, какъ показываютъ мѣстные акты, было общимъ названіемъ ремесленниковъ по глинярству (gliniarstwo, opus lateritium, Thonarbeit, Lehmarbeit), выдѣлывавшихъ въ своихъ „gliniarniach“ кирпичъ, горшки и другія глиняныя издѣлія, необходимыя въ домашнемъ хозяйствѣ³⁾. Къ такимъ глинникамъ относились такъ наз. стрихари и гончари.

¹⁾ См. цитированный выше залоговый листъ 1522 г. кор. Сигизмунда Радивиловичу на Городенскую „державу“ (Лит. Метр. Судн. дѣль № 3, л. 142), также приведенный у Любавскаго изъ Литовской Метрики господарскій листъ 1516 г., на данину „вольной“ корчмы Городенскимъ мураліямъ, стрихарямъ и мѣловникамъ (Любавскій, 333). О Городенскихъ стрихаряхъ находимъ указанія также въ мѣстныхъ актахъ половины XVI в. (АВК. XVII, стр. 175).

²⁾ См. Linde, Słownik, II, 492 (kreta, kreda); III, 76 (miałka, miela); VI, 217 (wapiennik). Издатели Городенскихъ актовъ половины XVI в. глоссируютъ меловника, упоминающагося въ одномъ изъ этихъ актовъ (АВК. XVII, 175) въ смыслѣ бортника, занятаго добываніемъ меда, что едва-ли вѣрно. Какъ видно изъ актовъ, мѣловники, несомнѣнно, отправляли при замковыхъ работахъ совмѣстную службу съ мураліями и стрихарами.

³⁾ Глинники упоминаются въ Городенскихъ актахъ XVI в. (АВК. XVII, 194). Извѣстны также „глинныя пенязи“—повидимому, чинши, бравшіеся съ „глинярней“ (Любавскій, 475). По Линде глинярство велось гончарами, mularzami-glinomazami и пр. (Linde, Słownik, II, 53).

Рядомъ съ муралами и мѣловниками упоминаются въ актахъ *стрихары* (*strycharzy* — кирпичники, отправлявшіе „стрихарскую“ службу¹⁾). По люстраціи Любомльскаго староства 1542 г. стрихары, кромѣ своей специальной службы (по выдѣлкѣ кирпичей и „будованью“ кирпичныхъ и вообще каменныхъ построекъ, вмѣстѣ съ муралами и мѣловниками), также выжигаютъ известь (варпо); тяглые люди доставляютъ имъ дрова къ известковымъ печамъ²⁾.

Матеріалъ, служившій для стрихарства, составляетъ также предметъ *горшечнаго производства*.

Гончары (горнѣчары, *ganczarzy, ganczarzy*) съ ихъ гончарнями (*gancarnia*), по Литовскому Статуту и другимъ литовскимъ актамъ имѣютъ, значеніе ремесленниковъ, выработывавшихъ ручнымъ трудомъ горшки (*garce, garki, ganczek, garczek, gancpek, dymczy* и пр.) и вообще глиняныя издѣлія, необходимыя въ домашнемъ обыходѣ³⁾. Гончары упоминаются въ господарскихъ и панскихъ, имѣніяхъ⁴⁾; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иногда большинство сельчанъ состоитъ изъ однихъ гончарей⁵⁾. Гончары, какъ и другіе зависимые люди, служатъ предметомъ данины⁶⁾

1) АВК. XVII, стр. 23, 59, 66 (стрихарская служба), 133 и пр. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 342 (люстр. Любомл. староства 1564 г.). По Линде пол. *strycharz—cegielnik*, нѣм. *Ziegelstreicher*; кирпичное мастерство—*strycharstwo, strycharskie rzemiosło* (*Słownik, V, 481*).

2) Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 342.

3) О гончарахъ и ихъ издѣльной работѣ см. Арх. ЮЗР. ч. VI т. II, стр. 65; VII, II, 82, 117, 118, 290. АВК. XIV, 217, 466; XVII, 360. Лит. Стат. 1566, XII, 3; 1588, XII, 5. Ср. Linde, *Słownik, II, 27*. *Ganczarzy* извѣстны также инвентарямъ Галичины, половины XVI в. (Жерела, I, 166).

4) О панскихъ гончарахъ см., напр., Арх. ЮЗР. ч. VI, т. II, 65. АВК. XIV, 466. О замковыхъ гончарахъ—Арх. ЮЗР. VII, II, 82, 117, 118, 290.

5) Напр., по люстраціи Ратненскаго замка 1565 г., въ с. Дубеч-но числилось 12 гончарей, столько же въ другомъ, сосѣднемъ селѣ (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, 290, 291).

6) Въ записной книгѣ Казимира зарегистрирована, между прочимъ, такая данина: „У Красносельцѣхъ Яну Котевичю горнѣчарь“.

и числятся иногда въ составѣ тяглыхъ; большею же частію они помѣщаются въ инвентаряхъ рядомъ съ людьми осадными,—кро- мѣ чинша съ земель, обязаны были доставлять въ панскіе дворы и фольварки гончарныя издѣлія для кухонныхъ надобностей, мо- лочнаго хозяйства и пр. ¹⁾.

IV. Стеклоное производство имѣло своихъ представи- телей въ лицѣ *путниковъ, стежляровъ или скляровъ (szklarzy)*. По инвентарямъ они сидятъ на „вольныхъ“ волокахъ, дававших- ся, какъ и другимъ ремесленникамъ, на „особную“ службу по ихъ мастерству ²⁾. Въ поборовыхъ универсалахъ упоминаются „*huty sklanu*“ (мѣста стеклянаго производства) въ числѣ предметовъ обложенія промысловымъ налогомъ ³⁾. „Гутники“ извѣстны так- же инвентарямъ Галичины, половины XVI в. ⁴⁾.

V. Звѣроловство и скотоводство доставляли также не ма- ловажный матеріалъ для весьма распространеннаго въ Литвѣ- Руси *мѣховаго, кожевеннаго и сапожнаго мастерства*. Въ ис- точникахъ XV и слѣдующихъ вѣковъ упоминаются кушнеры, ко- жеяки, римари, хомутники и швцы или чоботари, числившіеся въ составѣ не только горожанъ, но и сельчанъ.

Кушники (кушнеры, *kuśnierzy, skorniki, miechownicy*, нѣм. Kürschner, dermestres pellis) ⁵⁾ соотвѣтствуютъ рус. мѣ-

¹⁾ О гончарахъ, числившихся въ составѣ тяглыхъ, см. АВК. XIV, 466. По люстраціи Кременецкаго замка, сельскіе гончари со- стоятъ въ числѣ людей осадныхъ на чиншѣ (Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, 82, 117, 118). Точно также по люстраціи Ратненскаго замка 1565 г. въ селѣ Дубечво числится 12 гончарей: ежегодно платятъ чиншъ (съ земли) и даютъ въ дворъ каждый особо, по 10-ти большихъ горшковъ „*do mleka*“ (для молочнаго хозяйства) и двѣ „*dymczy*“ (печные горшки для варива) въ годъ; въ другомъ селѣ было также 12 гончарей, пла- тившихъ чиншъ и дававшихъ въ замокъ горшки, сколько потребуется (ibid., 290, 291).

²⁾ АВК. XIV, 639. Лит. Стат. 1529, XI, 2 (скляръ). *Zbiór pr- Lit.* 353 (vitreatorius).

³⁾ Vol. leg. II, 664, 798, 1027; V, 176, 179.

⁴⁾ См. „Жерела“, I, стр. 97.

⁵⁾ О кушникахъ см. Памятн. III, стр. 119. Арх. ЮЗР. ч. VI,

ховщикамъ (пушнякамъ), скорникамъ,—по выдѣлкѣ мѣховыхъ товаровъ, добывавшихся ловцами (мысливцами) — бобровниками, куничниками, лисичниками и пр., въ пользу господарскихъ и панскихъ дворовъ или на собственный пожитокъ. Кушницы, состоявшіе на дворныхъ службахъ, по инвентарямъ господарскихъ дворовъ, числятся въ службахъ или убогихъ, „робятъ до двора, что нужно по своему ремеслу“, ничего не платятъ или же подлежатъ платежу небольшого подымнаго (убогіе)¹⁾. Упоминаются также кушницы-чиншевики, числившіеся въ загородникахъ²⁾. На такомъ же положеніи, нужно полагать, состояли также кушницы въ панскихъ имѣніяхъ³⁾.

Выдѣлка кожевеннаго товара составляла ремесло *кожемякъ* (kożemiaki, garbarszy, нѣм. Gärber, cerdones), упоминающихся въ Городенскихъ актахъ и въ инвентарѣ имѣній Полоцкаго владыки, 1601 г.⁴⁾. Изъ записной книги Казимира видно, что кожемяки господарскіе составляли предметъ данины⁵⁾ и, слѣдоват., подобно другимъ зависящимъ ремесленникамъ, могли отпирать съ своего мастерства „особныя“ службы.

Гумари (поль. gumarze, нѣм. Riemer)—шорники, выдѣлывавшіе изъ кожи конскую упряжь (збрую); упоминаются въ Городенскихъ актахъ и поборовыхъ универсалахъ⁶⁾. Сюда же относятся *холутники* (поль. chomutnik), выдѣлывавшіе специально

т. II, 102, 119; VII, II, 148, 247, 335. АВК. XVII, стр. 151, 339. Vol. leg. III, 592 (miechownci). О кушнерахъ, по инвентарямъ Галичины, XVI в.—см. „Жерела“, I, 95, 273. Ср. Linde, II, 560 (kuśnież); III, 87 (miechownci); V, 292 (skornik).

¹⁾ Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, 148, 247.

²⁾ Ibid., 335.

³⁾ См. наприм., ibid., ч. VI, т. II, 102, 119.

⁴⁾ АВК. XVII, 205. Археогр. Сборн. I, стр. 223. Ср. Linde, II, 22 (garbarz), 342 (każemiak, cerdones).

⁵⁾ „Пану Ивашку Зеновьевичу 5 чоловѣковъ Журядовичи, кожемяки“ (Любавскій, 334).

⁶⁾ АВК. XVII, 66, 147. Vol. leg. III, 592. Ср. Linde, V, 176 (gum rz), 603 (szory—упряжь).

гонскіе хомуты¹⁾. Упряжные мастера, состоявшіе на постоянныхъ дворныхъ службахъ, были необходимы во всякомъ крупномъ имѣніи господарскомъ и панскомъ, гдѣ содержались иногда цѣлые табуны выѣздныхъ коней для путевыхъ надобностей пановъ и ихъ урядниковъ, также для снаряженія ратниковъ по преимуществу конныхъ въ „посполитыя рушенія“ и пр.

Кожевенный товаръ служилъ, наконецъ, предметомъ сапожнаго мастерства сельскихъ *швецовъ* (шевцовъ) или *чоботарей*, (пол. *szewc, swiec, sutor*)²⁾: Подобно другимъ ремесленникамъ швецы отправляли дворныя службы по своему ремеслу или же состояли на общемъ положеніи чиншевиковъ. Служебные швецы принадлежатъ къ „паробкамъ“ (челяди), панскимъ слугамъ и служкамъ, жившимъ по селамъ, также къ сельскимъ заградникамъ и убогимъ³⁾. Швецы, состоявшіе на чоботаревой или шведкой службѣ⁴⁾, „роблятъ на панскій дворъ дарма“ (даромъ), что нужно по ихъ ремеслу⁵⁾; иногда опредѣляется въ инвентаряхъ норма тяглыхъ дней для обязательныхъ работъ швецовъ въ панскомъ

1) АВК. XVII, 364. Ср. Linde, I, 256 (*chomaŭ, chomaŭo*—хомуть).

2) О швецахъ или шевцахъ см. Skarbiec, № 2, 98, 299. Лит. Стат. 1529, XI, 2; 1566, XII, 3; 1588, XII, 5. *Zbiór pr. Lit.*, 353 (*sutor*). Памят. III, стр. 107. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 477, 483, 490; VI, II, 88, 89, 119, 132 (*szewc*), 135; VII, II, 117 (*swiec*), 148 (*sewczu*), 178, 243 (*swiecz*). АВК. XIV, 45 (*szwez*), 474 (*szwez*). О чоботаряхъ см. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, 477; VII, I 609; VII, II, 175, 205, 247 (*czobotarsz*). АВК. XIV, 71, 78, 376, 466, 472; XVII, 40, 72 и пр. Археог. Сборн. I, стр. 223. По инвентарямъ Галичины—Жерела I, 31, 33, 84, 101, Подъ именемъ швецовъ разумѣлись въ старое время также *постоляръ*. выдѣлывавшіе постолы—обуве изъ древеснаго лыка (см. Linde, V, 583—*szewc*).

3) О паробкахъ и дворныхъ слугахъ см. Лит. Метр. Судн. дѣль № 3, л. 61 (актъ 1519 г.). О служкахъ—швецахъ, жившихъ по селамъ. см. Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, стр. 148. О заградникахъ см. АВК. XIV, 474. Объ убогихъ—Арх. ЮЗР. VII, II, 247.

4) О „службѣ чоботаревой“ см. АВК. XIV, 472.

5) Арх. ЮЗР. VI, I, 483; VII, II, 247, 609; АВК. XIV, 466.

дворѣ или фольваркѣ¹⁾. Служебные швецы называются въ нѣкоторыхъ инвентаряхъ „вольными“ въ томъ смыслѣ, что, кромѣ своей службы, они „ничего не платятъ и не робятъ“²⁾. Гдѣ не требовалась постоянная дворная служба по установленнымъ тяглымъ днямъ, тамъ служебные швецы исполняли работы по урядовымъ приказамъ, когда потребуется ихъ работа на панскомъ дворѣ; такіе швецы (даже изъ убогихъ) платили небольшое подымное³⁾. Швецы, не отправлявшіе обязательныхъ дворныхъ службъ, числятся по инвентарямъ въ составѣ тяглыхъ⁴⁾, также четвертниковъ⁵⁾, загородниковъ⁶⁾, главнымъ же образомъ, осадныхъ людей, платившихъ обычный чиншъ съ „мешканья“ и промысловъ, съ освобожденіемъ отъ тяглыхъ службъ⁷⁾. Въ инвентаряхъ, впрочемъ, иногда оговаривается, что швецы-чиншевики, когда окажется надобность, обязаны по своему мастерству работать на фольварокъ, за плату, но дешевле (наприм., грошемъ), чѣмъ на торгу⁸⁾.

VI. Льноводство и конопляники доставляли на нужды панскихъ фольварковъ и крестьянъ волокнистый матеріалъ, необходимый для издѣлій *ткацкихъ, портняжныхъ, канатныхъ* и пр. Мастера, изготовлявшіе такія издѣлія, по инвентарямъ, числятся въ одинаковой мѣрѣ въ составѣ мѣщанъ и сельскихъ подданныхъ.

Ткачи (ткаля, tkacz, textor, textrix)⁹⁾, жившіе въ госпо-

¹⁾ Наприм., чоботари обязаны четыре дня въ недѣлю ходить на дворную службу по ихъ ремеслу (АВК. XIV, 78).

²⁾ О „вольныхъ“ см. АВК. XIV. 78. Ср. *ibid.*, 466 („не робятъ и не платятъ“). Арх. ЮЗР. VII, I, 609 (ничего не платятъ и не робятъ).

³⁾ Арх. ЮЗР. ч. VII, т. II, 247.

⁴⁾ *Ibid.*, 175.

⁵⁾ *Ibid.*, VI, I, 477.

⁶⁾ *Ibid.*; ср. также VII, II, 293.

⁷⁾ Арх. ЮЗР. VII, II, 117, 178, 205, 293.

⁸⁾ *Ibid.*, 178.

⁹⁾ Лит. Стат. 1529, XI, 2; 1588, XII, 5, Zbiór pr. Lit., 453 (tkali, textrici). Арх. ЮЗР. ч. VI, т. II, стр. 10—12, 53, 61, 78, 83, 88, 100, 101, 127, 132, 134, 135. Археог. Сборн. № 111. АВК. XIII, стр. 354; XIV, 266. По инвентарямъ Галичины XVI в. — Жерела, I, 102.

дарскихъ и панскихъ имѣнiяхъ, числятся въ составѣ дворни и сельчанъ (обыкновенно на „огородницкихъ“ земляхъ) и на одинаковомъ основанiи сидятъ „на ткацкой службѣ“¹⁾. Есть также указанiя на сельскихъ ткачей-чиншевиговъ, сидѣвшихъ на осадныхъ волокахъ и за всѣ повинности платившихъ денежный чиншъ²⁾.

Въ актахъ упоминается особый классъ ткачей—*скатертники* или *обрусны* (пол. *obruśnik*), выдѣлывавшіе скатертныя полотна³⁾.

Кравцы (кравецъ, портной, *krawiec, sartor*)⁴⁾, по инвентарямъ, живутъ въ панскихъ дворахъ и селахъ на „кравческой службѣ“, „робятъ кравество“—шаты, берды (платье, *barwy* и *szaty* пол.) на пановъ, панскую дворню—челядь, слугъ и ратниковъ и

¹⁾ См., напр., инвентарь панскаго двора Рудовскаго въ Городенскомъ повѣтѣ 1579: ткачи живутъ въ самомъ дворѣ на „одной ткацкой службѣ“; кромѣ того, въ селѣ Рудава упоминаются на „огородницкихъ“ земляхъ два ткача—тоже „на службѣ ткацкой“ (Археог. Сборн. III, № 111).

²⁾ Въ томъ же инвентарѣ двора Рудаускаго упоминается въ селѣ Коматовцы ткачъ, сидѣвшій на осадной полволокъ и платившій за всѣ повинности деньгами (Арх. Сбор. III, № 111).

³⁾ Въ одномъ актѣ 1536 г. упоминается скатертникъ въ числѣ крестьянъ Пунской господарской волости (АВК. XIII, стр. 24). Въ Городенскихъ актахъ половины XVI в. часто упоминаются „обрусные“ изъ мѣщанъ и сельчанъ (АВК. XVII, стр. 16, 277, 279, 296, 339). Ср. Linde, III, 416—*obruśnik*.

⁴⁾ Лит. Стат. 1529, XII, 2; 1566, XII, 3; 1588, XII, 5. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 477; VI, II, 53, 65, 170; VII, II, 98, 171. АВК. XIV, 358, 624; XVII, 156, 193, 198 и пр. Жерела, I, 30. По литовски портной—*bartkus* (Nesselmann, Wörterb., 322). О такихъ барткахъ, какъ кажется, говоритъ инвентарь Жмудьскаго имѣнiя Титовянъ, гдѣ въ одномъ селѣ числилось три дыма портныхъ, которые „берды (поль. *barwy, szaty*, платье) робятъ“ и даютъ ихъ на дворъ,—тяглыхъ подачекъ не даютъ, только толоку служатъ и даютъ посѣди (чиншъ), куры и яйца (АВК. XIV, стр. 14). Литовскимъ бердамъ соотвѣтствуютъ старопольскія „*barwy*“—платье (жупаны, кунтуши и пр.) пановъ—шляхты, ливрея панскихъ слугъ и ратниковъ (см. Linde, Słownik, I, 60. G., Słownik rzeczy starożytnych, 1896. стр. 26).

получаютъ за службу особые земельныя надѣлы¹⁾. Упоминаются также сельскіе кравцы, не несшіе „уставичныхъ“ службъ по своему ремеслу, жившіе на общемъ положеніи людей тяглыхъ, огородниковъ или чиншевиковъ²⁾.

Старый Литовскій Статутъ относитъ къ людямъ ремесленнымъ *бралей* (прали, по поль. тексту *graszce*), состоявшихъ при панскихъ дворахъ и фольваркахъ на положеніи прачекъ (др.-рус. портомоекъ³⁾).

Къ мастерамъ, занятымъ выдѣлкой издѣлій льняныхъ и конопляныхъ, относятся, по актамъ, *мѣшечники* (пол. *mieszewnicy*), изготовлявшіе мѣшки для дворныхъ надобностей⁴⁾, также *линники* (пол. *powrozniki*)—канатники, изготовлявшіе канаты, бечевки, веревки, шнуры и пр.⁵⁾.

VII. Выдѣлка *пищевыхъ продуктовъ и напитков* составляетъ по актамъ промыслъ сельскихъ рѣзниковъ, медосытцевъ, пивоваровъ и пр.

Рѣзники или *мясники* (пол. *miejsiarzy, rzeźniki*) упоминаются въ инвентаряхъ въ составѣ сельчанъ на общемъ положеніи тяглыхъ, также загородниковъ. Не видно, чтобы сельскіе рѣзники, подобно другимъ ремесленникамъ, подлежали „уставичной“ службѣ съ своего промысла⁶⁾.

Пивовары, медосытцы (*miódowary*) и *винники* (винокуры)⁷⁾

1) АВК. XIV, 14, 358. Любавскій, 333.

2) Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 477; VII, II, 98, 171.

3) Лит. Стат. 1529, XI, 2. *Zbiór pr. Lit.*, 343. Въ Статутѣ второй и третьей редакціи „брали“ не упоминаются.

4) АВК. XVII, 366, 426. *Linde, Słownik*, III, 107 (*mieszewnik*).

5) АВК. XVII, 131, 393. Линникъ—отъ пол. *lina* (нѣм. *Lein*), литов. *lupa*, шнуръ, канатъ, бечевка и пр. Ср. *Linde, Słownik* II, 640 (*lina*); IV, 433 (*powroznik*).

6) „*Miesnik*“ упоминается въ одномъ селѣ имѣнія Кретинга въ Жмуди, повидимому, на общемъ положеніи тяглаго (АВК. XIV, 129). Въ инвентарѣ имѣнія кн. Слуцкихъ рѣзникъ (*rzeźnik*) числится въ составѣ сельскихъ загородниковъ,—даетъ въ видѣ чинша отъ „*rzezi*“ камень лою (*ibid.* 474).

7) О пивоварахъ см. АВК. XIV, 223, 337, 640; XVII, 13, 30, 202;

упоминаются при господарскихъ и панскихъ дворахъ, также въ составѣ сельчанъ. Больше всего свѣдѣній имѣется о пивоварахъ. Пивоварамъ, состоявшимъ на службѣ при панскихъ броварняхъ, даются „на пивоварство“ вольныя волоки, съ обязанностью „робить пиво до двора“¹⁾. При дворахъ упоминаются также наемныя пивовары²⁾. Крестьяне, въ свою очередь, могли имѣть сельскія броварни, для выдѣлки пива на „szink“, распивочную продажу, и для своего потребленія, съ платежемъ особаго чинша за „уробеніе“ и его распродажу³⁾. Можно полагать, что на такихъ же основаніяхъ вели свой промыселъ медосытцы и винники. Самая распродажа ведется въ корчмахъ (karczma, szynk) дворныхъ и крестьянскихъ особыми шинкарями (корчмитами, szynkarzy, karczmarzy, tabernatores)⁴⁾. Корчмы панскія завѣдываются дворными людьми (паробками), также крестьянами, сажавшимися на „шинкарство“, или же сдаются въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ⁵⁾. Упоминаются также корчмы крестьянскія; сидѣвшіе въ нихъ корчмиты числятся въ составѣ тяглыхъ людей, также огородниковъ, платившихъ въ панскіе дворы съ своихъ корчемъ особыя чинши⁶⁾.

VIII. Литовскій Статутъ и другіе акты относятся къ ремесленникамъ возницъ и другихъ промышленниковъ, занимавшихся *транспортнымъ* (извознымъ) *промысломъ*.

Арх. ЮЗР. ч. VII, т. I, стр. 177; VII, II, 225; Жерела, I, 181. О медосытцахъ см. АВК. XVII, стр. 13, 164. О винникахъ см. АВК. XVII, 102.

¹⁾ АВК. XIV, 223, 640.

²⁾ Арх. ЮЗР. ч. VII, т. I, стр. 177.

³⁾ Ibid., VII, II, 255.

⁴⁾ О корчмахъ и шинкаряхъ (корчмитахъ) см. Памят. II, 38, 187. АЗР. III, № 19 (п. 13). Археог. Сбор. I, стр. 34; III, № 111. АВК. XIV, 23, 474, 573. Арх. ЮЗР. ч. VI, т. I, стр. 115; VI, II, 9; VII, II, 142; VIII, № 18, 22. Жерела I, стр. 181, 184 и пр.

⁵⁾ АВК. XIV, 23. Археог. Сборн. III, № 111.

⁶⁾ Археог. Сбор. I, стр. 34. АВК. XIV. 474, 573. Арх. ЮЗР. VII, II, 142, 148. О корчмахъ и корчмитахъ „мѣстскихъ“, также о „корчомныхъ пенязахъ“ (чинсахъ съ корчемъ) см. Любавскій, 506—511.

Возницы (woźnicy, фурманы, agazoni)¹⁾ промышляли по „гостинцамъ“, вообще проѣзднымъ дорогамъ, извозомъ, какъ путниковъ, такъ и купеческихъ товаровъ и разныхъ другихъ предметовъ. Въ поборовыхъ универсалахъ XVII в. упоминаются фурманы, между прочимъ, изъ панскихъ подданныхъ; фурманы облагаются вообще личными налогами, наравнѣ съ гултайми, людьми *łóžnymi*, „a domo absentes“ (не осѣдлыми)²⁾. Сюда же относятся *повозники* (пол. rowoźcy, rowozniki, vectigarii), числившіеся въ составъ господарскихъ людей и (судя по названію) отправлявшіе специальную службу „повозъ“, доставку на мѣсто назначенія разныхъ произведеній панскаго хозяйства³⁾.

Перевозники (пол. przewozniki), какъ видно изъ актовъ, приставлялись къ рѣчнымъ переправамъ (перевозамъ на лодкахъ, паромахъ и пр.), завѣдывали ими въ видѣ „особныхъ“ службъ или же содержали перевозки на обычномъ арендномъ основаніи, съ платежомъ опредѣленнаго оброка (чинша)⁴⁾. Указаніе на служебный характеръ перевозчиковъ находимъ въ одномъ господарскомъ вырокѣ 1528 г. Перевозники Неменчинскіе, Юхно и его „помощники“ жаловались господарю на тивуна Виленскаго, пана Добка, чинившаго имъ „новину“ привлеченіемъ ихъ къ возкѣ дровъ на дворъ и къ горожѣ плетней (плота); судебный вырокъ обязалъ перевозчиковъ доставлять дрова, такъ какъ на нихъ лежала повинность „ходить у подводу“⁵⁾. Перевозы служили, между прочимъ, мѣстомъ сбора виднаго или рѣчнаго мыта—„перевоза“⁶⁾ и, по старому обычаю учреждались на опредѣленныхъ рѣчныхъ переправахъ. Изъ господарскаго вырока 1498 года видно, что намѣстникъ Мирецкій и Оникштенскій, панъ Григорій Остиковичъ жаловался господарю на людей Курмегольцовъ:

¹⁾ Лит. Стат. 1529. XI, 2; 1566, XII, 3; 1588, XII, 5, Zbiór pr. Lit. 353. АВК. XVII, 171, 394.

²⁾ Vol. leg., V, 179.

³⁾ Любавскій, 330.

⁴⁾ АВК. XIV, 218, 222, 626; XVII, 395, 426.

⁵⁾ Лит. Метр. Судн. дѣлъ № 6, л. 100.

⁶⁾ Любавскій, 502, 503. Аристова Промышленность, 220 и сл.

„штожь деи они ново вчинили были подь своимъ селомъ Курме-гольцы новый перевозъ и гости на немъ перевозивали и мыто съ нихъ бирали, а здавна деи тамъ николи перевоза не бывало, нижели деи здавна перевозъ бывалъ Гегузинскій подь Лепники на дворъ Гегузинскій половина, а Лепницкимъ боярамъ половина съ того перевоза саживала“. Господарь съ паны радою опредѣлил: „первозъ мѣти пану Григорию подь Лепники напалъ зъ бояры Лепницкими подлугъ давного обычая“, съ запрещеніемъ господарскимъ людамъ Курмегольцамъ имѣть особый перевозъ подь своимъ селомъ ¹⁾). Литовскій Статутъ вообще запрещаетъ „вымышлять“ новыя мыта, между прочимъ, на рѣкахъ и перевозахъ, „кромя которые бывали зъстародавна уставлены, або мели бы на то листы продѣковъ нашихъ, або наши“ ²⁾).

Въ заключеніе намѣтимъ общія положенія, вытекающія изъ изложеннаго нами разбора документальныхъ данныхъ о сельскихъ промышленникахъ въ литовско-русскомъ государствѣ.

Исконное существованіе въ составѣ сельскаго населенія литовско-русскихъ областей особаго класса промышленниковъ, занимавшихся помимо рольничества другими промыслами—бортничествомъ, звѣриной охотой, рыболовствомъ и пр., объясняется мѣстными условіями колонизаціи древне-русскихъ и литовскихъ земель въ необъятномъ морѣ сплошныхъ лѣсовъ и болотъ. Сельское населеніе, разбросанное по мелкимъ „островкамъ“, между сплошными болотными низинами и лѣсными песчаниками, могло добывать средства къ жизни не столько рольничествомъ, сколько болѣе подходящей къ мѣстнымъ условіямъ эксплуатаціей-

¹⁾ Лит. Метр. Судн. дѣль № 5, л. 102.

²⁾ Лит. Стат. 1598, I, 29. О мытахъ водныхъ (на рѣчныхъ перевозахъ) см. Vol. leg. II, 1232; III, 176, 178; IV, 954; V, 493; VI, 183, 316, 676 и пр.

бортничества и другихъ сельскихъ промысловъ, смотря по характеру и составу различныхъ угодій лѣсныхъ и рѣчныхъ. При такихъ условіяхъ главнымъ объектомъ крестьянскаго труда является не „роля“ пахаря, но лѣсная „борть“, рѣчные и озерные „затоны“ и „луки“, звѣринные „ловы“ и „уступы“ и т. п.

Службы „особыхъ“ классовъ крестьянъ-промышленниковъ коренятся въ исконной пошлнѣ, изстари практиковавшейся въ одинаковыхъ формахъ во всѣхъ земляхъ восточной и западной половины древней Руси. Въ старыхъ западно-русскихъ инвентаряхъ и другихъ актахъ открываются нерѣдко весьма важныя аналогіи, во многомъ разъясняющія экономическій строй крестьянскаго двора по древнему русскому праву,

Огородники (городники, загородники, застѣнки) существовали во всѣхъ литовско-русскихъ областяхъ, не вездѣ, впрочемъ, съ одинаковымъ значеніемъ.

Особый классъ огородниковъ изъ дворной челяди, жившихъ на фольваркахъ и отправлявшихъ „огородницкія повинности“ въ смыслѣ обработки владѣльческихъ огородовъ, существовалъ лишь въ большихъ экономіяхъ господарскихъ и панскихъ, съ значительнымъ личнымъ составомъ дворныхъ урядниковъ, слугъ и вообще челядинцевъ, жившихъ на всемъ содержаніи отъ экономій

Кромѣ фольварковъ, огородники жили также отдѣльными поселками на дворной пашнѣ и подъ именемъ „задворныхъ“ отличались отъ огородниковъ сельскихъ, жившихъ на земляхъ крестьянскихъ. Образованіе такихъ поселковъ стоитъ въ связи съ введеніемъ для дворной челяди земельныхъ надѣловъ (огородныхъ морговъ) изъ дворной пашни, съ посаженіемъ на нихъ челяди въ качествѣ огородниковъ. На такомъ же положеніи задворныхъ огородниковъ, не имѣвшихъ „своей“ земли и самостоятельнаго рольничьяго инвентаря и сидѣвшихъ селидбами на дворной землѣ, числились иногда также отчичи, люди прихожіе и наймиты. Повинности задворныхъ огородниковъ состояли въ „службѣ до двора“—обработкѣ дворныхъ огородовъ и пашни по опредѣленной нормѣ тяглыхъ дней, съ платежемъ небольшого члнша (оброка) съ огородовъ. Иногда же задворные огородни-

ки ограничивались какой либо специальной службой (напр., по ремеслу) или состояли на одномъ („голомъ“) чиншѣ.

Огородники упоминаются, затѣмъ, въ составѣ сельчанъ, жившихъ не на дворныхъ, а крестьянскихъ, волостныхъ земляхъ. Иногда такіе огородники составляли значительный процентъ въ составѣ сельскаго населенія. Нерѣдко встрѣчались цѣлыя поселки, состоявшіе изъ однихъ огородниковъ. Огородничество, отправлявшее опредѣленную функцію въ сельскомъ быту литовско-русскихъ областей, можно ставить въ прямую параллель съ восточно-русскимъ *бобыльствомъ*, въ смыслѣ захудалыхъ, „непашенныхъ“ элементовъ въ крестьянствѣ, „отбывшихъ“ панми, по бѣдности не участвовавшихъ въ обычной функціи сельскаго рольничества и добывавшихъ средства къ жизни путемъ другихъ промысловъ. Съ введеніемъ волочнаго хозяйства огородники осаживались не на дворныхъ или крестьянскихъ волокахъ, но на остаточныхъ земляхъ, не вошедшихъ въ волочный „помѣръ“ пахотныхъ полей, оставшихся за общей межей (за „стѣною“, въ „застѣнкахъ“), окружавшей фольварочныя и крестьянскія волоки. Повинности сельскихъ огородниковъ, въ общемъ порядкѣ, слагались изъ такихъ же работъ (панщинъ, службъ) и „платовъ грошевыхъ“ (чиншей), какъ и повинности людей тяглыхъ, лишь съ разницей въ размѣрѣ повинностей, отправлявшихся огородниками обыкновенно вдвое-втрое меньше повинностей людей тяглыхъ.

Къ одному разряду съ огородниками относятся *садовники* (садовничіе, hortulani) и *виноградники* (последніе въ Кіевщинѣ и на Волини, по актамъ съ XVI в.), Ихъ повинность состояла въ обработкѣ и вообще завѣдываніи дворными (панскими) садами въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ съ освобожденіемъ отъ другихъ крестьянскихъ повинностей. Садовники жили также по селамъ отдѣльными дворами и службами съ собственными садами. На общемъ положеніи сельскихъ огородниковъ они подлежали платежу съ принадлежавшихъ имъ садовъ чинша, дякла и пр.

Льсное хозяйство занимало, особенно въ сѣверной половинѣ литовскаго государства, одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду разныхъ угодій въ экономіяхъ господарскихъ и панскихъ. Ради

охраны лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ и вообще ради правильного пользованія лѣсными угодьями и входами, рано организируются особые лѣсничіе уряды съ *лѣсной сторожей*, составившей „особную“ службу мѣстныхъ крестьянъ—*лаевниковъ* и *лѣсничихъ* (*gaiowiny, stróży liesny*), избравшихся изъ огородниковъ, бортниковъ и пр. и получавшихъ на „*lesnictwo*“ свободныя отъ общаго тягла волоки „*lesnicze*“.

Одну изъ главныхъ хозяйственныхъ статей, служившихъ предметомъ эксплуатаціи панскихъ фольварковъ и крестьянскихъ службъ—дворищъ, составляло *пчеловодство*, бывшее промысломъ особаго класса крестьянъ—*бортниковъ*, *подлазниковъ* и *пасѣчниковъ*. Одни изъ нихъ вели свой промыселъ въ качествѣ крестьянскихъ „службъ“, состоявшихъ въ „пильнованьи“—завѣдываніи панскими бортями и пасѣками; другіе занимались пчеловодствомъ самостоятельно, на своихъ или оброчныхъ бортяхъ и пасѣкахъ, на собственный счетъ и страхъ, и въ качествѣ данниковъ, платившихъ съ своихъ бортей панамъ—землевладѣльцамъ дани медовыя (сотами) и пчельныя (ульями). Бортники, владѣвшіе бортными угодьями въ своихъ же лѣсахъ и жившіе въ „деревахъ“, при своихъ же бортяхъ, отличались отъ подлазниковъ (*лазбниковъ*, *лазбныхъ*), эксплуатировавшихъ борти въ чужихъ лѣсахъ, по праву входовъ, „полазомъ“ (*наѣздомъ*), безъ постоянного жилья въ находившихся въ чужихъ лѣсахъ бортныхъ „лазняхъ“ и „заходныхъ“ станахъ“. Промыселъ пасѣчниковъ состоялъ въ дворномъ или степномъ пчеловодствѣ (въ садовыхъ и огородныхъ „колодахъ“ и „лежакахъ“, степныхъ „пняхъ“ и „ульяхъ“).

Службы и угодья крестьянскія состояли, затѣмъ, въ связи съ *скотоводствомъ*, составлявшимъ въ старой Литвѣ—Руси столь же распространенную и исконную статью въ сельскомъ хозяйствѣ какъ и рольничество и пчеловодство. Рабочій скотъ, державшійся при фольваркахъ въ „оборахъ“ (скотныхъ дворахъ), состоялъ въ завѣдываніи дворныхъ *скотницъ* или *рыжунъ*, избравшихся изъ челяди и жившихъ на всемъ „выхованьи“ (содержаніи) двора. Панскій скотъ, не бравшійся въ дворныя работы, содержался въ стадѣ, на особыхъ пастбищахъ (выгонахъ, пастевникахъ) съ „становищами“, „стайнями“, „дворцами“ (иногда и съ сельцами и

хуторами) для скота и охранявших его пастуховъ, или сдавался на „выхованье“ крестьянскимъ службамъ—дворищамъ. Въ большихъ экономіяхъ уходъ за скотомъ на пастбищахъ составлялъ „особную“ службу крестьянъ, назначавшихся панскимъ урядомъ въ „сторожу“,—*стадниковъ, пастуховъ, табановъ* (южно-рус.) и *свинарей*. Сельчане-пастухи получали за службу „вольныя“ волокны и обыкновенно освобождались отъ другихъ повинностей.

Особныя службы крестьянъ пріурочивались къ *коневодству*, къ уходу за конскими стадами (табунами) и заводами въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ. „Службы“ конюшескія опредѣлялись различно, смотря по составу и назначенію конскихъ стадъ.

Уходъ за конями „ѣздными“ и „рабочими“, взятыми въ панскій дворъ, въ конюшни (*maszterni*) и стайни (на фольваркахъ), составлялъ специальную службу *конюховъ дворныхъ* или *сѣдельныхъ*, также *маишталеровъ*, принадлежавшихъ обыкновенно къ составу челяди и бывшихъ на всемъ содержаніи двора.

Лошади, не взятыя во дворъ и не причислявшіяся къ заводскихъ, состояли въ распоряженіи дворнаго уряда (отсюда иногда и названіе коней „урядовничими“) и содержались на пастбищахъ панскихъ фольварковъ стадами „сверепъ и коней стадныхъ“. Непосредственный уходъ за ними принадлежалъ особымъ „*стаднымъ конюхамъ*“, или „*ройтмишкамъ*“. Въ мѣстностяхъ, съ обширными пастбищами—угодьями, иногда цѣлые поселки слагались изъ однихъ конюховъ; почему такіе поселки и назывались „конюшескими“. По большей же части „сторожа“ конскихъ стадъ господарскихъ дворовъ на принадлежавшихъ имъ пастбищахъ составляла повинность особыхъ „службъ“ конюшескихъ въ селахъ, прилегавшихъ къ пастбищнымъ угодыямъ. Конюхи „стерegli“ стада на пастбищныхъ „стайняхъ“, „кони воживали“, строили конюшни въ дворахъ, а для конскихъ стадъ ставили „стайни“ на мѣстахъ пастбищныхъ и „иную службу конскую служивали“, съ освобожденіемъ конюховъ отъ другихъ тяглыхъ повинностей.

Въ мѣстностяхъ, безъ достаточнаго запаса сѣнокосныхъ и

пастбищныхъ угодій, бывшихъ въ непосредственномъ распоряженіи дворнаго уряда, конскія стада, по частямъ, отдавались на „прокормъ“ (rabulum) крестьянамъ — „конокормцамъ“ (конокормамъ, equorum rabulatores). Земля „конокормская“ упоминается въ актахъ въ значеніи „отчины“ конокормцевъ, существовавшей всегда оставаться за ними, какъ основной фондъ „конокормской службы“— ухода и корма (rabulum) розданныхъ имъ дворныхъ коней и вообще содержанія ихъ на сельскихъ выгонахъ и пастбищахъ, бывшихъ въ распоряженіи конокормцевъ. Иногда же стада господарскихъ коней посылались на „прокормъ“ цѣлыхъ волостей; при чемъ отдѣльные конокормцы отправляли „сторожу“ и „прокормъ“ конскихъ стадъ на пастбищахъ волостныхъ, по общему, волостному наряду—по извѣстной очереди („чергамъ“) сѣнамъ), обыкновенно по недѣлямъ.

Отдѣльно отъ стадъ коней ѣздныхъ и рабочихъ держались въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ собственно *конскіе заводы*— „стада сверепи“, или табуны заводскихъ матокъ, жеребцовъ и жеребятъ, не взятыхъ въ ѣзду и дворныя работы. Сторожа и уходъ за конскими заводами на пастбищахъ и въ дворныхъ стайняхъ составляли „особную“ службу крестьянъ—*кобыльничковъ, кобыльчичей*, или что тоже *лейтовъ* (лейти, лейтеве), обозначавшихъ мѣстное, литовское названіе кобыльничковъ (отъ литов. „laika“, кормить, охранять). Въ актахъ есть указанія на цѣлые поселки въ господарскихъ волостяхъ, состоявшіе отъ однихъ лейтовъ; иногда же въ одномъ поселкѣ живутъ лейти, конокормцы, люди тяглые и пр. Подобно конокормцамъ, лейти принадлежали къ зажиточнымъ людямъ, владѣли „влоственными“ или „отчизными“ землями и разными угодьями, съ коихъ лейти и „служили“; самое названіе земель „лейтицкими“ указываетъ на специфическое ихъ значеніе, въ смыслѣ основного фонда „особныхъ“ службъ лейтовъ.

Эксплоатація разнообразныхъ *лововъ* въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ, въ свою очередь, вызвала организацію новаго рода крестьянскихъ службъ *ловецкихъ*—*осочницкихъ, псарецкихъ, сокольничьихъ, бобровничьихъ* и пр. Въ областяхъ съ значительными лѣсными пущами и ловецкими угодьями въ мѣст-

ныхъ господарскихъ экономіяхъ устроилась въ пущахъ особые ловецкіе дворы, станы, стайни и околы, „потребные къ ловамъ“, на прїѣздъ господаря и ловцовъ, вообще ради эксплуатаціи мѣстныхъ ловецкихъ промысловъ. Къ ловецкимъ дворамъ господарскимъ и панскимъ тянули иногда цѣлые поселки, располагавшіеся у ловищъ и состоявшіе изъ крестьянскихъ дворовъ, съ жившими въ нихъ *ловцами* (мысливцами) и *стрѣльцами*, отправлявшими въ панскихъ дворахъ и станахъ „службу ловецкую“, „сочившими звѣрей“ и получавшими земли на „особныя“ службы ловецкія или стрѣleckія. Ловцы, по своимъ службамъ наряжались къ участию въ общихъ охотничьихъ облавахъ и, кромѣ того, промышляли („полевали“) на ловецкихъ входахъ въ одиночку, съ доставленіемъ ловецкой добычи въ пользу панскихъ дворовъ или же съ платежемъ однихъ чиншей.

Особый разрядъ ловцовъ составляли *осочники* (*обысочники* или *нагоняи*, *inquisitores fegarum*). Служба „осочническая“ („осочная“ сл., „обысока“) слагалась изъ двухъ различныхъ функцій: лѣсной „сторожи“ и собственно лововъ. Осочники—полѣсовщики, обязанные оберегать панскіе лѣса отъ самовольныхъ порубокъ и истребленія въ нихъ звѣрей. Они же подготавливали работу для панскихъ ловцовъ, намѣчали слѣды и логовища звѣрей и вмѣстѣ съ ловцами участвовали въ облавахъ, „ѣздили въ обысокую“, „сочили“ звѣря на ловцовъ, т. е. въ качествѣ загонщиковъ („нагоняи“), выслѣживали звѣрей, выгоняли ихъ изъ логовищъ и направляли ихъ бѣгъ на стрѣльцовъ.

Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ изобиліи водились дикія свиньи и вепры, охота за ними была спеціальной, „свинуской“ службой *свиноговзъ*, сочившихъ этихъ звѣрей.

Упомянутся также ловцы на медвѣдей съ „*рогатниками*“. Промыселъ рогатниковъ несомнѣнно относится къ древнѣйшимъ формамъ ловецкаго дѣла въ Литвѣ.

„Полеванье“ на дикихъ звѣрей съ охотничьими псами, особенно въ открытыхъ поляхъ и заросляхъ, составляло службу „*псарецкую*“ особаго класса крестьянъ—*псарцовъ*, занимавшихъ иногда цѣлые поселки. Псарецкая служба „состояла въ „сторожѣ“ и дрессировкѣ псовъ для охоты, содержавшихся

иногда въ особыхъ панскихъ „цсарняхъ“. Цсарцы „сочили“ звѣря на общемъ положеніи ловцовъ, въ одиночку и цѣлыми поселками.

Особый разрядъ крестьянъ—ловцовъ составляли *бобровники* (*castorarii, venatores castorum*); отправлявшіе въ господарскихъ и панскихъ имѣніяхъ особныя службы по эксплуатаціи „бобровыхъ гоновъ“, или бобровыхъ „ловищъ“, „береговъ“ (бережищъ, бережковъ) рѣчныхъ и озерныхъ, гдѣ располагались „прудища“ съ „зеремьяны“—бобровыми гнѣздами (группами или семьями бобровъ). Въ мѣстностяхъ, съ обширными бобровыми угодьями, послѣднія эксплуатировались по „полосамъ“—участкамъ, на какіе дѣлились гоны между крестьянами, „гонившими“ бобровъ на отведенныхъ имъ полосамъ. Бобровницкая служба состояла въ „ловеньи“ бобровъ: ловцы „гонять“ бобровые гоны, „ловятъ и бьютъ“ бобровъ на своихъ пацовъ. Упоминаются также крестьянскіе бобровые гоны, бывшіе въ распоряженіи самыхъ крестьянъ и составлявшіе иногда по мѣстнымъ условіямъ одинъ изъ главныхъ объектовъ крестьянскихъ промысловъ. „Бобровщина“ (бобровая дань или врокъ)—дань съ крестьянскихъ гоновъ, платившаяся панамъ натурою или денежнымъ оброкомъ.

Особую хозяйственную статью въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ составляли *ловы куничные*, эксплуатировавшіеся крестьянами—*куничниками* (людьми куничными) въ видѣ особыхъ службъ въ пользу панскихъ дворовъ или же въ видѣ самостоятельнаго крестьянскаго промысла, съ уплатой промысловыхъ даней и оброковъ на общемъ положеніи съ другими данниками.

Въ ряду промысловыхъ даней упоминаются дани „бѣлочьи“ (или просто „бѣлки“), также *лисы* и *заячьи*, указывающія на исконную практику въ Литвѣ-Руси охотничьихъ промысловъ на бѣлокъ (древ.-рус. векшъ и вевериць) и пр. Не видно, впрочемъ, чтобы въ литовско-русскихъ земляхъ выдѣлялись особые классы крестьянъ-промышленниковъ, специально занимавшихся указанными ловами,—дани съ нихъ составляли лишь дополнительные платежи, бравшіеся съ куничниковъ и другихъ данниковъ.

Ловы „платные“ составляли отдѣльныя службы *сокольниковъ* и *платниковъ* или *матерниковъ*. Кромѣ обычной формы

битья птицъ стрѣльцами, платные ловы велись въ видѣ охоты на птицъ съ соколами и на припадахъ птичьихъ съ сѣтями (шатрами) и пр. „Полеванье“ съ соколами въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ, составляло одинъ изъ главныхъ атрибутовъ поземельной шляхты стараго времени. Сокольники, отправлявшіе свои службы по уходу за панскими соколами и участію въ охотѣ съ ними, избирались изъ челяди и сельчанъ, съ отводомъ имъ, какъ и другимъ птичьимъ и звѣринымъ ловцамъ на службу „сокольниковыхъ“ земель и вообще „вольныхъ“ волокъ. Въ актахъ упоминаются также пташные и звѣриные ловы, принадлежавшіе крестьянамъ въ ихъ волостныхъ угодьяхъ, — крестьянамъ „сочили“ въ своихъ угодьяхъ звѣрей и птицъ, „на себе“, съ уплатой панамъ съ своихъ лововъ разныхъ платежей и оброковъ натурою и деньгами.

Изобиліе водныхъ угодій, озерныхъ и рѣчныхъ, въ господарскихъ и панскихъ имѣніяхъ искони вызывало и поддерживало въ Литвѣ-Руси широкое развитіе *рыбныхъ лововъ* (вловки, ловища, входы, вступы, врочища и пр.) въ „wodach czełkacych“ или „бѣгахъ водныхъ“ (проточныхъ угодьяхъ) — озерахъ и рѣкахъ, съ „потоками“, „источниками“, „стругами“, „узроями“ и „берегами“, распредѣлявшимися между совладѣльцами по участкамъ — „лукамъ“, дѣльницамъ, „вытямъ“, „тонамъ“ (тонкамъ, затонамъ) и „котчицамъ“ съ рѣчными и озерными „езами“ (jazy, jaszki, obstaculum) — заколами, загорохами поперекъ рѣчекъ съ проходами (воротами) для рыболовныхъ снастей (неводовъ, волокъ, сѣтей, бродниковъ, котцовъ и пр.). Къ такимъ же угодьямъ относились воды стоячія (stagnum) — „ставы“, „пруды“, „сажовки“ (заставы, запруды), рыбники, устроивавшіеся въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ общимъ нарядомъ крестьянъ. Рыболовство въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ составляло „службу“ крестьянъ — *рыболововъ* (рыбаки, гувасу, гівасзу, гуватку, гувитхву, piscatores), *езниковъ*, которые „бьютъ езвы и ловятъ рыбу“, также *раковниковъ* (ловцовъ раковъ). Особый классъ крестьянъ, имѣвшихъ дѣло съ рыбными угодьями, составляли крестьяне, служба которыхъ состояла въ *плетеніи неводовъ* для панскихъ дворовъ. Сюда же относятся *сторожки озеръ* и *грабары* (грабарчуки), служба которыхъ состояла въ

работах по устройству запрудъ (гребель, чатей) и по разчиствѣ ставовъ, прудовъ, сажовокъ и вообще „стоячихъ водъ“. „Служба рыболовная“ (или „повинность рыболовная“) отправлялась въ двойной формѣ: а) „квалтовъ“ волощанъ, сгонявшихся въ определенное время, по наряду владѣльцевъ или дворнаго уряда, для гуртовыхъ рыбныхъ ловель (съ замѣною ихъ иногда особымъ „платомъ за неводъ“ или „волочечнымъ“), для битья езовъ или устройства запрудъ (ставовъ и пр.) общей работой крестьянъ, и б) въ формѣ „особныхъ службъ“ рыболововъ, въ замѣнѣ общаго тягла „служившихъ рыбою“, поставлявшихъ рыболовные продукты, внѣ общихъ квалтовъ, на „панскую потребу“ (къ „столу“) или на продажу. Угодья рыболовныя, по обычаю, распределялись на участки—тони, выти и пр., съ раздачей ихъ въ эксплоатацію отдѣльныхъ рыболововъ или цѣлыхъ „ватагъ“ (рыболовныхъ группъ по службамъ и дымамъ). Кромѣ рыболовныхъ тоней, рыбаки получали за службу „вольныя“ волокни изъ состава дворныхъ или крестьянскихъ земель. Рядомъ съ панскими водными угодьями, эксплуатировавшимися „службой“ рыболововъ, въ источникахъ упоминаются также рыболовныя угодья въ составѣ „маетностей“ крестьянскихъ дворовъ и сель, имѣвшихъ свои затоны и тони „неводовые“, езы, ставы и спусты. Свои угодья сельчане „держатъ“ на себя, „уживаютъ къ своему пожитку“, свободно, „безъ переказы“ панскаго уряда, держатъ угодья въ „сябрности“, „уживаются“ ими „сполне, безъ подѣленья береговъ“, ватазами большими и малыми, или же промышляютъ „особно“ отъ другихъ, не въ составѣ ватагъ,—въ обоихъ случаяхъ съ обложеніемъ крестьянскихъ лововъ „дачами“ въ пользу пановъ, натурою или деньгами, въ видѣ ежегоднаго окладнаго сбора (чинша), или въ видѣ десятины и иной доли улова (наприм., 30-й рыбы), отбиравшейся въ пользу двора въ каждомъ данномъ случаѣ, въ особенности съ общихъ лововъ (ватагами).

Мельничный промыселъ, состоящій въ приспособленіи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ къ цѣлямъ потребленія, является однимъ изъ первыхъ и главныхъ спутниковъ рольничества и другихъ отраслей сельскаго хозяйства. Въ западно-русскихъ земляхъ издавна извѣстны „млины“ (molendinum), устроивавшіе-

ся въ господарскихъ и панскихъ имѣнiяхъ ради вымола (млива, вымелки, emolumentum) зерновыхъ продуктовъ рольничества. Таковы водяныя мельницы на стоячихъ водахъ—ставахъ и другихъ запрудахъ, съ однимъ или нѣсколькими „колами“ (вод. колесами), также на большихъ проточныхъ рѣкахъ и горныхъ рѣчкахъ,—млины „łodny“, или „łodziasty“, ставившіеся въ открытыхъ рѣчныхъ мѣстахъ, въ видѣ лодокъ, приспособленныхъ къ мельничному дѣлу, также млины „korzecny“ (korzeczniku, korczaku, ml. korcowy skrzynezasty), ставившіеся у горныхъ рѣчекъ (съ особыми колесными лопастями, желобками). Извѣстные также млины „wietrzny“ (вѣтряки), млины „ważny“, устроенныя на фольваркахъ путемъ тяги (wagu, коромысль и пр.). Млины съ колами „walnymi“ или „męcznymi“ (мучными, ради вымола зерноваго хлѣба) отличаются отъ мельницъ—„step“ (ступь), „folusz“ (сукновалень, южно-рус. валушь), „pił wodny“ (мель. мѣсопильныхъ) и „koł rudnych“ (кузничныхъ, для выработки руднаго желѣза и пр.). Постройка и ремонтъ панскихъ млиновъ относятся къ общимъ крестьянскимъ „квалтамъ“ (работамъ гуртовымъ, по волостному наряду). Собственно млинарскую работу, со сбожемъ панскихъ доходовъ (млива, вымелковъ, вжитковъ и пр.) съ мельницъ, отправляютъ въ видѣ особыхъ службъ *мельники* (млинары, młynarzy, molendinadores), сидѣвшіе на млинарскихъ „мѣстцахъ“ (усадебной и огородной землѣ) или на „вольныхъ“ волокахъ „на млинъ“ и получавшіе часть (обыкновенно 3-ю мѣрку) „вымерковъ“ (wumiagu, вжитки, съ крестьянъ—„побоже“) — доходовъ, получавшихся панамъ съ мельницъ. Упоминаются также крестьяне-мельники, имѣвшіе свои мельницы и промышлявшіе мельничнымъ дѣломъ на себя, съ платежемъ въ пользу пановъ „побожнаго“ со всякаго пожитка, получавшагося крестьянами работой въ своихъ мельницахъ.

Соляной промыслъ велся въ старину населеніемъ Понѣманья, въ волостяхъ по западной окраинѣ Кривичской земли, въ сѣверной Подляхiи, Жмуди и мѣстами въ сосѣднихъ повѣтахъ литовскихъ (Ковенскомъ и др.). „*Соляники*“ упоминаются въ имѣнiяхъ господарскихъ и панскихъ въ качествѣ промышленниковъ, сидѣвшихъ на особыхъ, соляницкихъ служ-

бахъ, у панскихъ соляныхъ источниковъ и копей, или же занятыхъ солянымъ промысломъ на своихъ угодьяхъ, съ платежемъ въ пользу пановъ особыхъ соляныхъ сборовъ (дани, чиншей).

Рудниковый промысел искони практиковался въ Литвѣ и нѣкоторыхъ западно-русскихъ земляхъ, особенно кривичскихъ, подляшскихъ, на Волыни и пр. „Руда“ входитъ въ составъ имѣній господарскихъ и панскихъ и означаетъ не только копъ (okno, szyba, kopalnia), изъ которой добывается металлическая руда (по преимущ. желѣзная), но и плавильную печь, устроенную у самихъ копей или у водныхъ мельницъ для обжиганія руды и выдѣлки изъ нея чистаго металла. Рудная работа „водой“ состояла въ устройствѣ плавильныхъ печей и кузницъ при водяныхъ мельницахъ, съ особыми колами (колесами), приспособившимися къ горнамъ при рудныхъ печахъ и кузницахъ. „Руды“ и „рудники“ имѣютъ дѣло, главнымъ образомъ, съ добычаніемъ желѣзной руды и выработкой изъ нея чистаго желѣза. Рудники (górnicy)—рудокопы и вообще мастера (mistrzowie), выдѣлывавшіе изъ руды желѣзо и жившіе при рудахъ особыми „службами“. Повинности литовско-русскихъ рудниковъ слагались, какъ и въ старой Польшѣ, изъ работъ въ самихъ копахъ и изъ разработки руды въ плавильныхъ печахъ и кузницахъ.

Переработка ручнымъ трудомъ сырыхъ произведеній, добываемыхъ въ странѣ путемъ лѣснаго хозяйства, рудниковаго промысла, скотоводства, лововъ разнаго рода и пр., составляла исконный промыселъ, практиковавшійся въ древне-русскихъ земляхъ подъ общимъ титуломъ „ремесничества“, „мастерства“, „руководльа“, „ручнаго ремельства“, „промысла“ ремесленниковъ разныхъ названій. Въ литовскомъ государствѣ ручное мастерство, унаслѣдованное по традиціи отъ стараго времени, находило для себя поддержку въ колонизаціонной политикѣ литовскихъ господарей, призывавшихъ съ запада колонистовъ-промышленниковъ, селившихся въ городахъ и сельскихъ маестностяхъ—дворахъ господарскихъ и панскихъ, отправлявшихъ здѣсь разнообразныя промысловыя „службы“ и вообще жившихъ съ своимъ мастерствомъ на общемъ положеніи сельчанъ-ремесленниковъ.

Литовско-русскіе акты знаютъ „*ремесло*“ (ремество, *rzemieślnicy*, *artificium*) и „*ремесниковъ*“ (ремесные люди, мастера, *rzemieślnicy*, *artifex*), не только „местьскихъ“ (городскихъ), но и „холопъскихъ“, т. е. дворныхъ или сельскихъ, крестьянскихъ. Ручное мастерство искони составляло одну изъ наиболѣ важныхъ и необходимыхъ хозяйственныхъ отраслей въ дворахъ господарскихъ и панскихъ, гдѣ только ведется въ сколько нибудь крупныхъ размѣрахъ самостоятельное фольварочное хозяйство. Мастерство сельское имѣло въ виду не рыночный сбытъ (какъ мастерство „мѣстское“), но прежде всего мѣстныя потребности и нужды, какъ самихъ пановъ, ихъ многочисленной дворни и сельскихъ „подданныхъ“, такъ и разныхъ хозяйственныхъ операций и отраслей фольварочнаго и крестьянскаго хозяйства. При былой обособленности панскихъ маетностей—„державъ“, нужды панскихъ дворовъ и фольварковъ покрывались не столько путемъ найма мѣщанскихъ мастеровъ или путемъ рыночнаго оборота продуктовъ ихъ промысла, сколько организаціей въ каждомъ панскомъ дворѣ и фольваркѣ самостоятельнаго мастерства собственными рабочими и служебными силами господарскихъ и панскихъ имѣній.

Ручное мастерство практиковалось на одинаковыхъ основаніяхъ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ ремесленниками *дворными* (замковыми) и *сельскими* или *волостными*. По инвентарямъ сельскіе ремесленники живутъ иногда цѣлыми поселками и отдѣльными дворами—службами и числятся по большей части въ ряду „убогихъ“ или „зубожалыхъ“ людей—загородниковъ и пр. „Службы“ („работы“, робскія“, „повинности“) ремесленниковъ, приставлявшихся къ обязательнымъ работамъ въ пользу панскихъ дворовъ, опредѣлялись различно, смотря по роду и свойству мастерства (службы дойлидскія, ковальскія и пр.), и обыкновенно соединялись съ освобожденіемъ мастеровъ отъ другихъ тяглыхъ работъ и полатковъ.

Рядомъ съ ремесленниками, отправлявшими по своему мастерству дворныя службы, упоминаются сельскіе ремесленники, свободные отъ такихъ службъ и промышлявшіе своимъ мастер-

ствомъ исключительно на собственный пожитокъ, съ платежомъ опредѣленнаго чинша (оброка) за „вызволѣніе“ отъ дворныхъ работъ.

Въ Литвѣ-Руси, какъ и въ восточно-русскихъ земляхъ, искони практиковалось не только *осёдло*, но и *отхожее мастерство*, и по самому своему свойству, велось по большей части путемъ гуртовыхъ, кооперативныхъ работъ. Въ литовско-русскомъ мастерствѣ до позднѣйшаго времени удерживался *кооперативный* строй древне-русскихъ ремесленныхъ „дружинъ“—артелей. Службы и дворы—дѣлы литовско-русскихъ сельчанъ-ремесленниковъ имѣли значеніе кустарныхъ семей и товариществъ сябровъ, сообща ведшихъ свое домашнее производство совмѣстнымъ ручнымъ трудомъ. Въ отличіе отъ мѣщанскаго цеховаго мастерства, основаннаго на строгихъ монопольныхъ началахъ, мастерство сельское искони оперировало на почвѣ свободныхъ началъ сябринной организаціи древне-русскихъ ремесленныхъ „дружинъ“, безъ всякихъ слѣдовъ монопольной замкнутости мѣщанскихъ цеховъ.

Сельскіе ремесленники группируются въ отдѣльные *разряды*, главнымъ образомъ, по различію объектовъ производства, имѣвшихъ по мѣстнымъ условіямъ извѣстное значеніе въ хозяйствѣ панскихъ фольварковъ и крестьянскихъ дворовъ.

Такимъ образомъ, богатыя *лѣсныя угодья*, въ особенности сѣверной половины литовскаго государства, давали подручный матеріалъ для „будованья“ (построекъ) и разныхъ лѣсныхъ подѣлокъ, составлявшихъ промыслъ цѣлаго ряда ремесленныхъ классовъ—плотниковъ, будниковъ, бондарей, столяровъ и т. п.

Выдѣлка строеваго лѣса и „будованіе“ изъ него построекъ составляли исконный промыслъ *плотниковъ* (древ.-рус. рубленниковъ, древодѣловъ, домоздателей, деревянныхъ здателей). Литовско-русскіе плотники съ ихъ „плотницкою службою“ обозначаются въ актахъ по большей части названіемъ литовскихъ *дойлидзовъ* (дойлида, довидъ, doilid, daijlyda) или польскихъ *cieśli* (sieśla, czesła, тесля, architectus) съ ихъ „дойлидствомъ“ или „тесельствомъ“ (ciesielstwo). Упоминаются плотники дворные и сельскіе или волостные: ихъ службы „плотницкія“ (дойлидство,

тесельство, работы тесельныя) соединялись съ свободой отъ другихъ тяглыхъ повинностей. Сельскіе дойлиды занимались также свободнымъ мастерствомъ, безъ особыхъ по нему службъ, и потому числились на общемъ положеніи волостныхъ людей. Плотницкая „служба“ иногда замѣнялась работой наемныхъ плотниковъ—приходней, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „*добродеревцевъ*“, наприм. строившихъ въ мѣстныхъ замкахъ городни, вежи, остроги, мосты (плотники—„*мостовники*“) и пр.

Подѣлочный лѣсъ изготовлялся изъ лѣснаго „товара“ такъ назыв. *будниками*, въ видѣ разныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ. Мѣстомъ ихъ выдѣлки, обыкновенно въ лѣсныхъ цуцахъ, служили *буды* или *куны*, гдѣ изготовлялся будниками лѣсной матеріалъ подъ разными наименованіями: *ванчосъ* (тонкія, выстроганныя доски для разныхъ строевыхъ подѣлокъ), *васильки* (филенки для столярныхъ и другихъ издѣлій), *гонть* (дранцы для обшивки стѣнъ, для крышъ на постройкахъ и пр.), *клепки* (тонкія доски для бочарнаго мастерства), *pipele* (*pipełki, fiffle*—клепки для пивныхъ боченковъ), древесный *попель* (зола для поташнаго производства), *уголь*, *смола* (дѣготь) и пр. Лѣсныя угодыя съ будами панскими эксплуатировались путемъ сдачи будъ въ откупное содержаніе вольныхъ промышленниковъ или же путемъ „особныхъ“ службъ крестьянскихъ; упоминаются также будники, работавшіе въ лѣсныхъ цуцахъ на свой пожитокъ, на общемъ положеніи чиншевиковъ.

По различію „будовницкихъ“ службъ, въ актахъ упоминаются будники подъ разными видовыми названіями. Таковы: а) *шиндельщизки* (*gontarze*), изготовлявшіе въ лѣсныхъ будахъ ванчосъ и гонть, нѣм. *Schindel*; б) *клепачи* (съ „клепацкой“ службой)—мастера бочарныхъ издѣлій (клепокъ, *pipele*), поступавшихъ въ окончательную отдѣлку бондарей; в) *попельары* (*popielarze*)—будники, „палившіе“ попель (золу) для поташнаго производства въ особыхъ лѣсныхъ будахъ (*potażarnie, potażnie*); г) *угольнички* (*węglarze*)—мастера (*mistrzowie*) и ихъ товарищи, отправлявшіе „угольницкую“ службу въ панскихъ будахъ для выжиганія угля, шедшаго въ особенности на потребности пушкарей (по изготовленію пороха), для рудныхъ горновъ и пр.; д) *дег-*

тяри (dziegciarze), отправлявшіе свои службы въ лѣсныхъ будахъ для гонки смолы (smoliarni, гуты, бендюги, печи смоляныя).

Лѣсной матеріалъ, изготовлявшійся плотниками и будниками, поступалъ затѣмъ въ дальнѣйшую разработку, ради ближайшаго приспособленія лѣсныхъ подѣлокъ къ непосредственному употребленію ихъ въ хозяйственномъ обыходѣ. Отсюда новые виды мастерства: *бондарей* (приспособлявшихъ издѣлія лѣсныхъ клепачей къ разнымъ формамъ бочарнаго мастерства); *колесниковъ* (колодѣи, стельмахи), *санниковъ* (жившихъ иногда цѣлыми рядами служебныхъ дворовъ), *столярей* (tesarzy, teszarzy), *схринниковъ* (сундучные мастера), *токарей*, *сѣдельниковъ* (siodlarzy), *судниковъ* (изготовлявшихъ „начинье деревенное“—домашнюю посуду изъ дерева), *ситниковъ* (по выдѣлкѣ ситъ, sitarzy) и *кошовниковъ* (корзинщиковъ). Одни изъ мастеровъ отправляютъ по своему ремеслу дворныя службы, сидятъ на „судництвѣ“, „сѣдлярствѣ“ (сѣдельницей службъ), „столярствѣ“ и пр., считаются „liberzi“ отъ другихъ крестьянскихъ повинностей; другіе промышленяютъ въ качествѣ вольныхъ мастеровъ съ платежомъ одного чинша.

Продукты *металлическаго произоодства*, добывавшіеся рудниками въ необработанномъ видѣ, составляли предметъ дальнѣйшей разработки ихъ въ разныя металлическія издѣлія, необходимыя въ хозяйственномъ обыходѣ народа. Къ сельскимъ мастерамъ по выдѣлкѣ металлическихъ издѣлій, по литовско-русскимъ инвентарямъ и другимъ актамъ, относятся *ковали* (кузнецы, желѣзняки, kowale, kuźnicy, żelezniki) изъ дворныхъ „служекъ“ (челяди) и сельчанъ, отправлявшихъ по своему мастерству „службы“ или „повинности ковальскія“ (кузнецовскія) или же промышленявшихъ въ своихъ кузняхъ (kuźnia, kowalnia) на свой собственный пожитокъ и на положеніи „осадныхъ“ (оброчныхъ) кузнецовъ, платившихъ съ своего мастерства особые чинши. Таковыя же *kotlarze* (ковавшіе котлы и другія издѣлія),—*слесари* (замочники), *стрижники* (по выдѣлкѣ сѣдельныхъ стремень) и оружейные мастера подъ разными названіями, *рогатинники* (по выдѣлкѣ входившихъ въ составъ ратной „зброн“ или „стрѣльбы“ рогатинъ, пѣм. Wurspiesz, pertica aucupatoria), *мечовники*, *луч-*

ники (по выдѣлкѣ луковъ, arcus balista), *тульницы* (по выдѣлкѣ тульевъ, колчановъ для лучныхъ стрѣлъ), *платнеры* (отправлявшіе службу „платнерскую“ по выдѣлкѣ панцырей, шишаковъ и другихъ „збройныхъ“ доспѣховъ), *пушкари* (bombardarii, кромѣ ратной службы „робившіе“ селитру и порохъ и въ качествѣ „збройныхъ“ мастеровъ оправлявшіе всякую „стрѣльбу“, — ручицы и другое „дѣло“ оружіе).

Каменное, кирпичное, известковое и гончарное производство составляло промыслъ цѣлаго ряда сельскихъ ремесленниковъ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ. Таковы: *плитники* (каменоломы или каменотесы, работавшіе въ плитницахъ, каменоломняхъ), *жерновники* (шорновники, по выдѣлкѣ мельничныхъ жерновъ изъ плитъ, или камней, добытыхъ въ плитницахъ), *муралы* (муляры, mularzy, mularzy, — древне-русскіе каменные здатели, промышленяли каменными работами по „будованію“ городскихъ „муровъ“ — стѣнъ, замковъ, палацовъ и пр., состояли на „муральствѣ“, службѣ „муральской“ или же числились на положеніи отхожихъ мастеровъ), *мѣловники* (пол. wapienniki, calcarii, выжигавшіе известь изъ мѣла и участвовавшіе съ муралами въ „будованію“ замковыхъ муръ и другихъ каменныхъ построекъ), *глинники* (общее названіе мастеровъ по „глинярству“, выдѣлкѣ кирпича и разныхъ глиняныхъ издѣлій) подъ разными названіями, — въ особенности *стрихары* (strycharzy, кирпичники, отправлявшіе „стрихарскую“ службу по выдѣлкѣ кирпича и участію въ „будованію“ каменныхъ построекъ вмѣстѣ съ муралами и мѣловниками) и *гончары* (горнячары, ganczarzy, garnczarzy).

Стеклянное производство имѣло своихъ представителей въ лицѣ *цутниковъ, стекляровъ* или *скляровъ* (szklarzy, vitreatorii), сидѣвшихъ на „вольныхъ“ волокахъ и отправлявшихъ „особную“ службу въ „гутахъ скляныхъ“ (мѣстахъ стеклянаго производства).

Звѣроловство и скотоводство доставляли немаловажный матеріалъ для весьма распространеннаго въ Литвѣ-Руси *мѣховаго кожевеннаго и сапожнаго мастерства*. Въ составѣ дворни и сельчанъ господарскихъ и панскихъ упоминаются ремесленники по указанному мастерству, состоявшіе на особыхъ службахъ или

же промышлявшіе мастерствомъ на общемъ положеніи чиншеви-
ковъ. Таковы: *кушнирь* (кушеры, kuśnierzy, skorniki, mie-
shownicy, нѣм. Kürschner, dermestres pellis, рус. мѣховщики,
пушьяры, скорники, выдѣлявшіе „пушные“, мѣховые товары, до-
бывавшіеся ловцами—бобровниками, куничниками и пр.), *коже-*
мяки (kożemiaki, garbarzy, cerdoney, нѣм. Gärber), *римари*
(gumarze, нѣм. Riemer, шорники, выдѣлявавшіе изъ кожъ кон-
скую упряжь), *холутники* (chomątники), *швецы* (шевцы) или
чоботари (szewcy, swięc, sutor, отправлявшіе древнюю „чобота-
ревую или „шведскую“ службу, какъ и бывшихъ на положеніи
чиншевиковъ).

Мастера, изготовлявшіе издѣлія *льняныя* и *конопляныя*—
портняжныя, канатныя и пр., по ивентарямъ, числятся въ одина-
ковой мѣрѣ въ составѣ мѣщанъ и сельчанъ господарскихъ и пан-
скихъ. Сюда относятся: *ткачи* (ткаля, tkacz, tektor, texitrix,
сидѣвшіе на „ткацкой“ службѣ), *скатертники* или *обрусные*
(obruśniki, по выдѣлкѣ скатертныхъ полотень), *кравцы* (кравецъ,
портной, sartor,—живутъ на „кравческой“ службѣ, „робятъ
кравчество“—шаты, берты, пол. barwy, жупаны и пр. на па-
новъ и челядь дворную), *брали* (прали, pracze, панскіе прачки,
портомойки), *мшечники* (mieszewniki), *мшники* (rowozniki,
канатники).

Въ ивентаряхъ имѣній господарскихъ и панскихъ упомина-
ются мастера по выдѣлкѣ *пищевыхъ продуктовъ* и *питей*. Та-
ковы: сельскіе *рѣзники* или *мясники* (mięsiarzy, rzeźniki), *пиво-*
вары (состоявшіе на „пивоварствѣ“ въ панскихъ и крестьянскихъ
броварняхъ), *медосытцы* (miódowary), *винники* (винокуры),
шинкари (корчмиты, szynkarzy, karczmarzy, tabernatores, си-
дѣвшіе на „шинкарствѣ“ въ панскихъ и крестьянскихъ корчмахъ,
karczmach, szynkach).

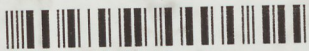
Къ разряду людей ремесленныхъ, по литовскимъ актамъ,
относятся, наконецъ, промышленники сельскіе, занимавшіеся
транспортнымъ (извознымъ) *промысломъ*: *возницы* (woźnicy,
фурманы, agazoni, промышлявшіе по „гостинцамъ“ навозомъ пут-
никовъ, также купеческихъ и иныхъ товаровъ), *повозники* (ro-
woźcy, rowozniki, vectigarii, отправлявшіе специальную служ-

бу—,повозъ“, доставку на мѣсто назначенія разныхъ произведеній фольварочнаго хозяйства), *перевозники* (przewoźniki, представлявшіеся къ рѣчнымъ переправамъ въ видѣ особыхъ службъ для перевоза путниковъ и для сбора перевозныхъ „мытъ“ въ пользу пановъ, или же содержавшіе перевозки на арендномъ положеніи съ платежемъ чинша).

613636

LIETUVOS MOKSLŲ AKADEMIJOS
BIBLIOTEKA

002 00144894 2

Lietuvos TSR Mokslų Akademijos
CENTRALINĖ BIBLIOTEKA

613636/3

00-00

xLe-44/3